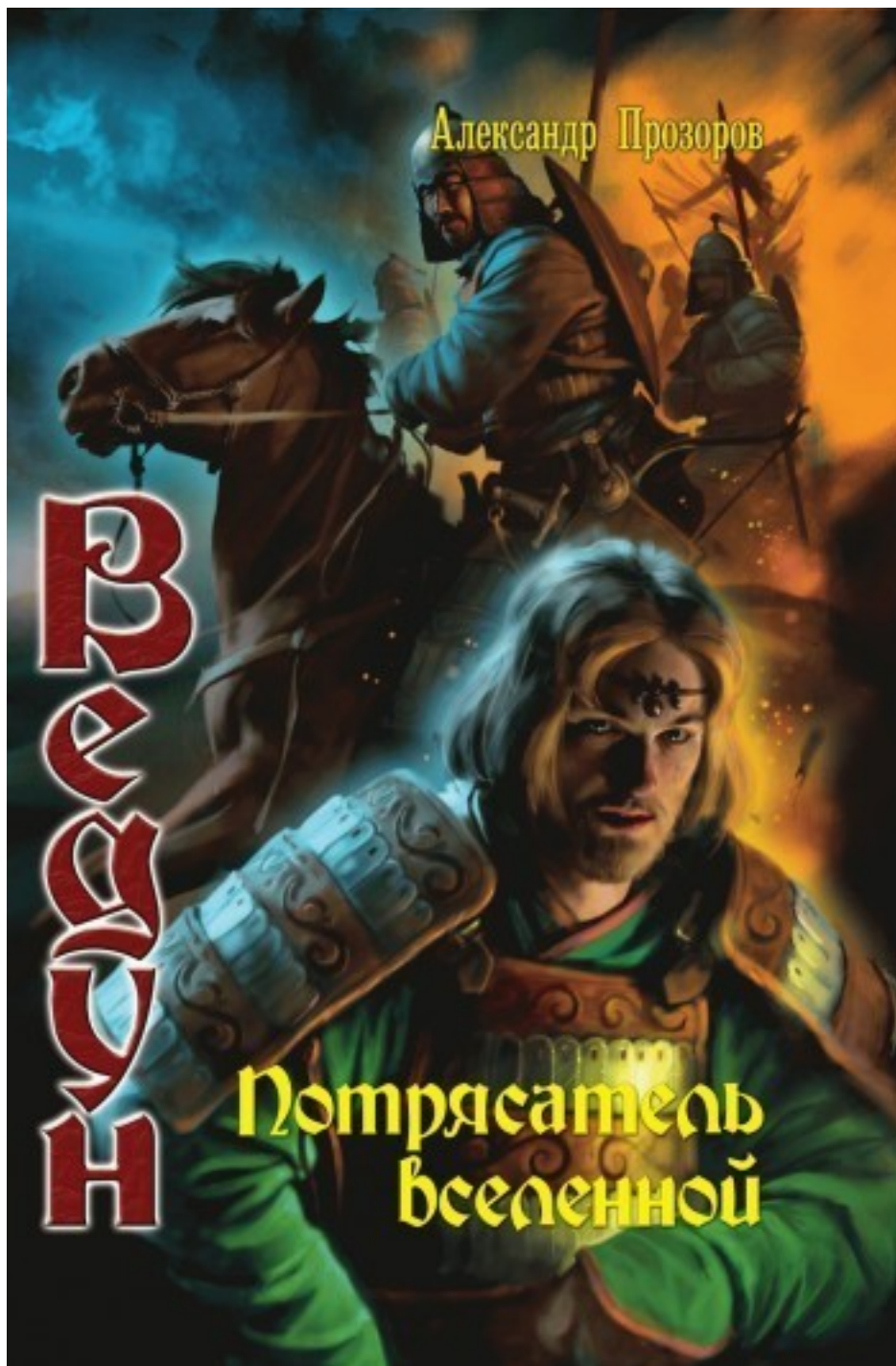

Александр Прозоров

В
е
д
у
н

Потрясатель
вселенной

Ведун

Александр Прозоров
Потрясатель вселенной

«Автор»

2008

Прозоров А. Д.

Потрясатель вселенной / А. Д. Прозоров — «Автор»,
2008 — (Ведун)

Он пришел из нашего мира... Его называли... ВЕДУН! Можно ли в кровавую эпоху сохранить в себе гуманизм? Можно ли создать империю, не рубя голов, не снося в пыль покоренные города и не грабя побежденные народы? У Олега Середина всего два желания: дать возможность поверившему ему племени мирно продать свой товар, а самому – отправиться с попутчицей в Муром и оттуда вернуться домой, в двадцать первый век. Но почему-то весть о злобном завоевателе катится перед путниками могучим валом, и раз за разом встают поперек дороги порождения черной магии, могучие чародеи и конные армии, мешая двум слабым людям попасть в скромную обитель деревенского целителя.

Содержание

Приносящий добычу	5
Сакмара	16
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Прозоров

Потрясатель вселенной

Автор выражает признательность Николаю Карамзину за увлекательный роман «История государства Российского», который и лег в основу этого произведения.

Увидел Чингисхан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны. Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили его с собою покорять других людей. Так-то, как вы слышали, завоевали они множество народу. А Народ видит, что правление хорошее, царь милостив, и шел за ним охотно.

Марко Поло. Книга о разнообразии мира, гл. LXV, пер. со старофранц. проф. И. М. Минаева

Приносящий добычу

В нынешней Татарии Китайской, на юг от Иркутской Губернии, в степях, неизвестных ни Грекам, ни Римлянам, скитались орды Моголов, единоплеменных с Восточными Турками. Сей народ дикий, рассеянный, питаясь ловлею зверей, скотоводством и грабежом, зависел от Татар Ниучей, господствовавших в северной части Китая, но около половины XII века усилился и начал славиться победами.

Н. М. Карамзин. История государства Российского. Глава VIII

Улочка была пустынной и сумрачной: тесно стоящие дома, влажный от нескончаемой мороси асфальт, редкие фонарики, висящие высоко на проводах между окнами.

– Холодно как, – поежилась Роксалана и теснее прижалась к Олегу, крепко держась за его локоть. – Пошли куда-нибудь в лето, на природу, за город?

Девушка решительно потянула его к яркой витрине с афишей «Последнего из могикан», на которой за спиной увешанного косичками индейца сияло голубое небо.

– Пошли, – покорно согласился Середин, сдвинул рукоять сабли немного назад и, развязав кошель, наклонился к окошку кассы: – Два билета, пожалуйста.

Минуту спустя они оказались на теплой зеленой поляне между вигвамами. От костров перед походными домиками тянуло горьковатым смолистым дымком, вдалеке полуголые подростки носились по кругу на неоседланных жеребцах. Те высоко вскидывали копыта, фыркали и призывно ржали. Из-за расстояния звуки были слабыми и казались смазанными, словно кони находились за стеной или еще какой-то преградой.

– Совсем другое дело! – обрадовалась Роксалана, расстегивая на себе панцирь и небрежно отбрасывая его в сторону. – Хоть немного согреемся.

Под броней у девушки ничего не оказалось. Не то что белья – даже поддоспешника, и Середин наконец-то почувствовал неладное. Неправильное что-то происходило вокруг, неестественное.

– Ну же, раздевайся! – потребовала директор фирмы «Роксойлделети» по продвижению и маркетинговому обеспечению. – Нужно пользоваться моментом, пока погода хорошая.

За руку она потащила спутника в ближайший вигвам, опрокинула на мягкие бараны шкуры и вытянулась рядом, положив Олегу на грудь голову и левую ладонь. И, довольная, заснула.

Каркас вигвама сплетался над головой в правильный геометрический рисунок, девушка тихонько сопела, выдыхая горячий воздух ему в подбородок, от очага к постели стлался слабый дымок, где-то неподалеку ржали кони. Все было настолько осязаемо, ярко, достоверно, как никогда и нигде, ни в каких кинофильмах не бывает. Просто невозможно передать это в кино! И до Олега наконец дошло: это же сон! Самый обыкновенный сон. Нужно просто взять себя в руки, напрячься и вернуться в реальность.

Середин напрягся. Напрягся старательно и от души. Однако застеленная конскими шкурами деревянная решетка ничуть не изменилась. Тогда молодой человек закрыл глаза, сосчитал до десяти, снова их открыл и даже приподнялся в постели, чтобы уж точно вырваться из дремы в истинную реальность. Однако ночной бред все равно не отпустил его из своих объятий: каркас походного дома остался на месте, от очага в центре к отверстию в остроконечной крыше тянулся синий дымок, совсем рядом звучало чуть приглушенное лошадиное фырканье и гортанные выкрики.

Олег закрыл глаза, помотал головой, открыл.

– Хорошего дня, господин, – склонились в низком поклоне две юные невольницы-близняшки, Борд и Сноу. Десятилетних девчонок кто-то из кочевников подарил Роксалане примерно месяц назад, пока Олег вел переговоры со старейшинами из рода росомахи. Воительница утверждала, что это их настоящие собственные имена, хотя Середин сразу заподозрил подвох.

Или это тоже был сон?

Роксалана рядом сонно зачмокала, подтянула к себе подушку Олега и подпихнула под щеку, зевнула, прикрыла меховым пологом обнажившуюся грудь.

Или не сон?

Середин закрыл глаза, напрягая память: они с навязчивой попутчицей спасались от братьев-колдунов, вертолет начал падать, и он разбил пузырек со снадобьем Ворона. Он и девица попали в зиму невесты какого допотопного века, двинулись в сторону Муром, где обитает Ворон нынешний, чтобы вернуться обратно...

Воспоминание отдавало некой натянутостью и больше всего походило на классический ночной бред. А потому Середин снова закрыл глаза и потрянул головой, еще надеясь оказаться в своей постели – рядом с будильником, телевизором и ключами от мотоцикла. Увы, и в этот раз вместо привычных вещей он обнаружил возле застеленного овчиной ложа пояс с саблей и двумя сумками, железный шишак с пластинчатой бармицей, шерстяные шаровары и сапоги из мягкой козьей кожи.

– Значит, все-таки в Муром, – вздохнув, смирился с неизбежностью ведун. Но на всякий случай еще раз закрыл глаза и могучим усилием воли попытался избавиться от дремы.

Не получилось.

– Муром... – вслух повторил Олег, медленно восстанавливая в памяти события минувшего года.

Примерно восемь месяцев назад он вознамерился добраться до далекого русского города. Ориентируясь на местности лишь в общих чертах – по отложившемуся в памяти атласу из краткой энциклопедии, ведун вместе с девушкой попытался пройти вдоль реки Белой до Камы, а потом по Каме спуститься к Волге, аккуратно к порубежью нужного княжества. На этом простом и относительно быстром маршруте путников, к сожалению, несколько раз попытались ограбить. К сожалению для грабителей – поскольку ни умирать, ни попадать в рабство в планы Середина не входило. Несколько столкновений принесли ему ратную славу и неплохую по здешним меркам добычу. Слава и добыча – две великие ценности, манящие средневековых витязей, затмевающие им разум, словно чемодан героя – нищему наркоману. В итоге к гра-

нице Булгарии ведун подошел не один, а во главе нескольких сотен жаждущих приключений, молодых и горячих кочевников, решивших «проводить» почетного гостя аж до самого дома.

Разумеется, лихую ватагу булгары вдоль Камы не пропустили и даже попытались взять в полон и продать. Середин в отместку разорил пару порубежных селений и ушел обратно в уральские предгорья, не дожидаясь ответного удара – чем нажил себе еще большую славу и нагрузил соратников столь огромной поживой, что нищая горная страна оказалась просто не в состоянии ее поглотить. И вот уже три месяца нескончаемый обоз почти из трех сотен телег полз по замерзшей реке вверх по течению, от кочевья к кочевью, но почти не уменьшался в размерах. Обитателям горных долин – каждое лето уходившим со стадами на высокогорные пастбища, а с холодами возвращавшимся назад – были неинтересны хрупкие столики и тонкая фарфоровая посуда, нежные тончайшие шелка и драгоценный пурпур, изразцовые плитки и терракотовые курительницы. Все эти красоты были не самыми практичными предметами в хозяйстве вечных путников. Что до теплых мехов и ковров, расшитых сапог и упряжи – в большинстве родов это добро и так имелось в достатке.

Разумеется, в каждом кочевье встречались богачи, готовые потратиться на редкую красивую ткань или изящную безделушку, многие семьи не отказались бы от покрытых тонкой чеканкой пиал и кувшинов, а уж тем более – от ножей, мечей или топоров. Да вот беда: мало кто мог за все это расплатиться. Привычная, ходовая валюта здешнего народа – крупный и мелкий скот – нынешней зимой оказалась не в чести. Удачливые воины уже пригнали домой такие стада, что их с трудом могли прокормить родные пастбища, и теперь рассчитывали получить в уплату за товар золото или серебро. Или хотя бы самоцветы, которые тоже не нуждались в пище и воде, которые не портились от времени, которые можно легко перевозить с места на место или просто закопать в потайном месте.

Увы, с золотом и серебром в горных долинах было не густо – а вывезенная с булгарских складов рухлядь, день за днем слеживаясь на повозках, грозила просто сгнить, превратившись из богатства в бесполезный мусор.

– Инжектор не прочистишь, руки-ноги отрублю и на кол высажу... – простонала Роксалана, пальцы ее сжались в кулак, а по телу пробежала судорога. Похоже, не одному Олегу сегодня снились ностальгические сюжеты.

– Все хорошо, милая, не беспокойся, – погладил ее по волосам Середин. – В ближайшем тысячелетии инжекторы все равно никому не понадобятся.

– Вырежу всю семью до седьмого колена, – продолжила девушка, – сожгу дома и засею все солью, скормлю скот собакам, а собак – волкам...

Ведун отдернул руку и уже в который раз засомневался: а стоит ли возвращать ее обратно? Избалованная красotka из семьи владельца крупного нефтяного концерна и нескольких горнодобывающих предприятий помельче и раньше была отнюдь не подарок, а последние приключения окончательно превратили ее в кровожадного монстра с наружностью ангела и характером динамитной шашки. Раньше она всего лишь каталась на горных лыжах, лазила по горам, управляла вертолетом и прыгала на папины деньги с мостов, привязав к ногам толстую резинку. Теперь директор по продвижению и маркетинговому обеспечению фирмы «Роксойл-делети» при каждой возможности очертя голову кидалась в сечу, лезла в самую гущу сражений и упивалась победами, начисто забыв, как после первого вынужденного убийства почти полдня мучилась тошнотой. Еще немного – и она, подобно легендарным обрам, начнет резать жертвам головы и возить их у стремени. Совесть требовала от Середина, чтобы он вернул девушку родителям в целостности и сохранности – она ведь не виновата, что вместе с ним попала в жернова войны между великим и бессмертным Аркаимом и не менее сильным и живучим Раджафом. Однако внутренний голос подсказывал, что, вернувшись на работу, за первый же промах любого своего сотрудника Роксалана отрубят голову, не спросив мнения профсоюза и не предоставив выходного пособия. Причем в самом прямом, а не переносном смысле.

– Опять тебе не дали «Вискаса», мой за-айчик? – нежно проворковала Роксалана.

Поскольку ремонтники инжекторов кошачий корм наверняка не потребляли, Олег сделал вывод, что в далеком будущем по его спутнице скучали не только родители. Это открытие немного заглушило внутренний голос ведуна и взбодрило совесть. Взбодрило настолько, что Середин поднялся, натянул штаны, опоясался и прошел мимо очага к пологу, мимоходом кивнув упавшим ниц молчаливым близняшкам.

Полог легко сдвинулся в сторону, по глазам с ослепительно-яркого неба ударило солнце. Ведун невольно зажмурился – а со всех сторон тут же приветственно взревели мужские голоса:

– Приносящий добычу! Сын ворона! Посланник! Посланник!

Олег заторопился, опасаясь, что к нему опять кинутся с просьбами, подарками и пожеланиями. Уже не раз с утра пораньше, вместо того чтобы спокойно сделать все то, что нормальные люди делают на рассвете – умыться, одеться, размять кости, – ему приходилось то разрешать споры, то вести утомительные долгие разговоры. Пару раз он даже попадал на пышные и ужасающе бесконечные пиры.

В это утро повезло: он спокойно спустился к ручью, ополоснул голову, растерся возле густых зарослей бузины чистым пушистым снегом, пригладил ладонями давно не мытые волосы – и только на обратном пути его перехватил смутно знакомый мальчишка с огромными, как у лягушонка, глазами, упал на колени, сдернув шапку и низко опустив голову:

– Здоровья твоим стадам, Приносящий добычу, – торопливо выпалил он. – Дозволь старейшинам нашим подношение тебе доставить.

– Каким старейшинам? – не понял ведун.

– Нашим, Приносящий добычу, рода куницы, – втянув голову в плечи, сообщил посыльный.

– Пусть приносят, – с легкостью согласился Середин. – Только не на рассвете. Где-нибудь пополудни.

И он пошел дальше, не придав никакого значения этой обыденной просьбе. Дары из разных родов ему приносили чуть ли не каждый день. А иногда – и несколько раз на дню. Все они заканчивались одинаково: просьбой принять десяток-два, а то и полусотню воинов в свою свиту. Как деликатно выражались кочевники – «дозволить проводить сына ворона домой».

Откуда брались добровольцы – Олег понимал отлично. Нескончаемый обоз с добычей, медленно ползущий от долины к долине, действовал на юных воинов, как веточка валерианы на бездомного кота. Для молодых кочевников толика подобного богатства обещала славу и почет, долгую безбедную жизнь, красивых жен и уважение соплеменников. Вот и тянулись они, словно околдованные дудочкой крысолова, вслед за разношерстным войском, надеясь на новые битвы в неведомых землях, на новые победы, а главное – на новую добычу. Середин устал убеждать их, что сражений и грабежей больше не будет – нукеры согласно кивали Приносящему добычу и все равно просились в свиту. Ведун напрасно напоминал им, что из первых сотен из Булгара вернулась всего половина – храбрецы отчего-то всегда пребывали в уверенности, что погибнет кто-то другой, а уж они непременно вернуться со славой и успехом.

В конце концов Олег устал спорить и, махнув рукой, стал сразу разрешать присоединиться к обозу всем желающим. Так по десятку-другому, по два-три нукера, тихо и незаметно первоначальные его полторы сотни за зиму разрослись почти до трех тысяч отборных бойцов – пусть неопытных и плохо вооруженных, но зато молодых, здоровых и горячо рвущихся в сечу.

– Иногда так хочется устроить небольшую войну, – тихо признался сам себе ведун.

Хотя, конечно же, это было сильным преувеличением. Олег не любил крови и насилия. Старый чародей учил его сражаться не с людьми, а с нежитью, с тварями магическими и бесмертными, злобными и ненасытными. Людей же Ворон учил исцелять, заговаривать и обе-

регать. Вот только известный шутник малыш Коло ¹ раз за разом устраивал ведуну подвохи, вынуждая забывать про истинное предназначение и ввязываться в людские споры. И сражаться со смертными Середину последнее время приходилось куда чаще, чем с баюнами, рохлями или упырями.

– Здоровья посланнику! Богатства Приносящему добычу! – восторженно восклицали несколько нукеров, что правили возле холодного кострища истертые тяжелые мечи. – Да пребудет с тобой удача!

Они пожирали глазами предводителя самостийной армии, надеясь услышать в ответ что-нибудь обнадеживающее, но Олег только кивнул:

– Вам тоже удачи, – и, пройдя мимо, нырнул под полог своей юрты.

– Господин желает откусить? – тут же спросили невольницы, успевшие расстелить у северной стены белый полотняный прямоугольник.

– Не соглашайся, – зевнула под овчиной Роксалана. – У них опять только сметана с брынзой на первое и кумыс на второе. И сыр в качестве дополнения. Еще неделя такой жизни, и я начну мычать и жевать сено!

– Прости, госпожа. – Девочки, влажно поблескивая глазами, быстро-быстро сместились к выходу. – Но вчера вы были на пиру. И два дня тому тоже. Посему мяса никто не резал. А солонину еще до того успели...

– Кто успел? – подняла голову воительница. – Почему не знаю?!

– Это господин! – хором вскрикнули испуганные служанки, прижимаясь спиной к самому пологу. – Мы не трогали твоей снеди, госпожа!

– Хватит рычать, красотка. – Середин подошел к постели, скинул ремень с оружием, набросил поверх рубахи войлочный поддоспешник с вышивкой в виде волка на груди, снова опоясался. – Будто не знаешь, что в кочевьях только молоко всегда в избытке. Они же в этом не виноваты!

– Ага, вот ты как запел... Небось втроем солонину тишком жрали, пока я задремала, а мне теперь только опивки коровьи остались... – Девушка сладко потянулась и рывком села: – Чего это ты с малышками заигрывать начал? На маленьких потянуло?

– Иди ты... – лаконично отмахнулся Олег, давно привыкший не обращать внимания на заскоки избалованной спутницы. – Хочешь разнообразия – сходи рыбу полови. Кто мне хвастал, как возле Филиппин тайменя на двести кило вытащил?

– Ну ты сравнил! – аж задохнулась от возмущения Роксалана. – Там же океан, бестолочь! Океан! А здесь лужа лягушке по колено! Тут не то что тайменя, головастика не найдешь! И не тайменя, вун, а тунца!

– Тунец? В горной речке? – вскинул брови ведун. – У тебя по биологии в школе какая отметка была?

– Ах ты... – Девушка схватила подушку и ловко метнула ему в голову.

Олег поймал, невозмутимо отряхнул и протянул ближней служанке:

– Можно убирать.

– У нас же в синем сундуке крынка с медом есть! – вдруг вспомнила вторая невольница. – И урюк.

– Сама ты урюк! – потянулась за второй подушкой воительница. – Я что, больная, молоко с медом жрать?

– А если профилактически? – предложил Середин и поймал подушку. – Ладно, не голоси. Сейчас пойду, бяшу какую-нибудь зарезу. Вечером под казаном закоптим, если никто не помешает...

¹ Коло – бог жизненного цикла и переменчивости, иногда считается славянским богом солнца или природы. От имени Коло происходит праздник весны «коловорот» – окончание годового природного цикла и начало нового.

– Помешают, – наконец соизволила подняться в рост его спутница. – Всегда мешают... Скажи, а почему они шашлыков не едят? Только вареное мясо? Давай шашлычка забацаем?

– Может, и едят, – пожал плечами ведун. – Только не на пирах. В гостях, сама знаешь, каждому своя мясная часть полагается. Не могут же они и сыну старейшины, и простому воину одинаковые куски из одной шеи положить?

– Почему, Олежка? – хмыкнула Роксалана. – Мне уже обрыдло вместе с тобой бараны головы облизывать! Я хочу окорок! Запеченный на вертеле! С перцем и кетчупом!

– Будешь много спорить, сердце и печенку в следующий раз получишь...

– Что-о?! – В этот раз она метнула не что-то постельное, а длинный тяжелый косарь. Нож просвистел в полушаге от Середина, с сухим стуком глубоко вошел в поперечную рейку юрты и мелко задрожал. Несмотря на демонстративное непонимание здешних обычаев, девушка отлично усвоила, что все потроха – это женская часть от разделанной туши. И на подобное унижение соглашаться не собиралась. – Гендерный шовинист!

– От феминистки слышу, – невозмутимо парировал ведун. – Ладно, прихорашивайся, завтракай, а я пойду, Чабыка встряхну. Не будет здесь уже никакой торговли. Снимать нужно лагерь да дальше двигаться. Хорошо бы завтра, на рассвете. А то с каждым переходом дорога все хуже.

– Топай-топай, – махнула рукой Роксалана. – Опять полдня о копытах и железе талдычить будете, как старые бабы на завалинке. Чего застыли, малышки? Забыли, чего делать положено? Ну-ка, гребешки взяли – и ко мне!

Причесываться самостоятельно спутница «сына ворона» ленилась уже второй месяц – как раз с того дня, как получила живой подарок.

Обширный лагерь встретил ведуна сотнями заискивающих взглядов. Все уже были оповещены, что Приносящий добычу пробудился, и теперь от души желали ему удачи, надеясь услышать в ответ известие о том, что они идут наконец-то в набег на чужие земли. Они, конечно, знали, что обоз застрял в самом центре родных земель, – но способности Олега найти и одолеть врага уже успели обрасти самыми невероятными легендами. Середин понимал: эти кочевники верили, что обнаружить и захватить богатый город сын ворона мог даже в диких горах. А потому нукеры искренне надеялись и ждали...

Пряча глаза, ведун быстро пересек раскинувшийся вокруг его юрты лагерь и остановился перед жилищем преданного Чабыка – воина пожилого и немало побитого жизнью, но крепкого, как дубовая свая: невысокого, плечистого, с серым обветренным лицом без признаков растительности. Одетый в шаровары и засаленный поддоспешник, он играл в баранью кость с закутанными в парчовые халаты старейшиной Бий-Султуном и его братом Фтахраном. Действо было незамысловатым: каждый из игроков «управлял» бараньим позвонком, который ударом камушка по краю следовало пробросить через ворота, образованные костяшками двух противников. Кто этого сделать не смог – тот и проиграл. Азартной сию немудреную игру делало единственное обязательное условие: игра шла на барана. Одного – не больше, но и не меньше.

Увидев Олега, кочевники привстали, приложив руку к груди, и Чабык сразу за всех поприветствовал:

– Доброго тебе дня, посланник.

– И вам того же желаю, – остановился Середин, наблюдая за игрой сверху вниз.

– Наши отары разрыли весь снег возле реки, посланник, – пожаловался кочевник, примеряясь окатанной галькой к краю своей «фишки», – и выгрызли всю траву. Лошадям скоро тоже будет нечего есть.

– Да, ты прав, – согласился Олег. – Пора двигаться дальше.

– Куда дальше? – вскинул голову Бий-Султун. – Дальше только мертвые скалы! Ни воды, ни травы.

И староста, обеими руками поджав живот чуть выше и приспустив ремень, вернулся к созерцанию игровой площадки.

– Выше по течению есть еще кочевье рода куницы, – поправил его Чабык и сильным ударом заставил бараний позвонок пролететь между костяшками соперников под острым углом. Теперь все три фишки стояли почти на прямой линии – но зато очередь на бросок перешла кому-то из братьев. – Земли у них небогатые. Не долины даже, а узкие ущелья. Но заглянуть можно. Хотя, конечно, продать хоть что-то не получится. Откуда у них здесь золото? Разве только колдуны лишнее выбросили.

– Колдуны? – заинтересовался Фтахран. – Это те, что оживляют мертвых и заставляют пожирать собственных детей? Я слышал, они живут за горами, у Запретной реки.

– Почему Запретной? – не понял Олег.

– Они превращают всех, кто к ним приходит, в рабов, посланник, – ответил вместо брата старосты Чабык. – Тех же, кто умирает, посылают грабить родные кочевья и убивать собственных детей. Посему уже не первый век наши племена никогда не ходят через горы на юг, не пропускают туда путников и... – Он запнулся, что-то вспоминая, потом махнул рукой: – Плохое там место, не для людей.

Ведун молча кивнул. Он не хотел хвастаться своим знакомством с братьями, правителями Каима, но с оценкой их нрава был согласен полностью: злобные колдуны-некроманты, которых лучше всего обходить далеко стороной.

– Из племени куницы вчера приходили двое охотников, посланник, – все тем же безразличным тоном продолжил кочевник. – Хотели вызнать, насколько ты зол на их кочевья. Они там на дальние стойбища собрались скрыться. Я уверил их в твоей милости. Пусть остаются на месте. Коли они причинили тебе обиду – прикажи, и мы вырежем всех, а женщин и детей продадим на обратном пути.

– Кому продадим?! – возмущенно повысил голос Бий-Султун. – Мы прошли все земли от края и до края! Чтобы что-то продать, нужно идти обратно к Бигорану и от него во владения карумов. Вот там продать добро еще можно.

– Так нас булгары мимо своей крепости и пропустят! – фыркнул Фтахран. – Особливо после того, как мы там по осени повеселились. Ты еще скажи, самим булгарам взятую у них добычу продать!

– У булгар золото есть, – печально кивнул староста. – Кабы знать, что вернуть взятое хоть за треть цены согласятся.

– Куница, куница... – покачал головой Олег. – Нет, не помню. Те, что нас гномам продали, уже наказаны... Не знаю, кто там еще труса празднует.

Спор братьев он пропустил мимо ушей. Будь они хоть трижды старостами, но к Булгару с ведуном ходили все-таки не они, а Чабык. Потому и советовался Олег только с ним и именно через него передавал приказы сбившимся к богатому обозу нукерам.

– Ныне они придут с дарами, – поднялся кочевник. – Бей, уважаемый, твой ход. И коли ты не промахнешься, клянусь зарезать для пира своего барана.

– Как можно, мой дорогой Чабык! – возмутился староста. – Нет-нет, ныне всех вас угощаю я! Идем, Фтахран, выберем самого жирного из отары.

Братья подобрали с земли кости. Бий-Султун, довольный тем, что сохранил лицо и не проиграл простому воину, опять поддернул наверх заметный животик, кивнул и зашагал к кустарнику за юртой.

– Завтра с утра двинемся, – сообщил Чабыку ведун. – Вели нукерам собирать лагерь. Ты знаешь удобные для стоянки места в землях куницы или стоит послать вперед разведку?

– Сегодня старейшины их рода придут с дарами, – напомнил воин. – Либо они сами отведут нам место, либо...

Чабык, не договаривая, щелкнул пальцами. Олег достаточно хорошо знал нынешние нравы, чтобы понять: если гости не договорятся добром, их просто истребят, а путники спокойно займут опустевшее кочевье. Заждавшиеся сражений нукеры с удовольствием разомнутся на бедолагах, изначально чувствующих некую вину перед Приносящим добычу. Был бы повод...

– Надеюсь, ты не откажешься отобедать со мной сегодня, посланник? – неожиданно поменил тему разговора воин. – Богатого пира не обещаю, но баранины хватит на всех.

На его губах появилась довольная улыбка. Он ехидно крикнул и поднял с земли последний позвонok.

Достархан Чабыка и правда оказался невелик и скромен: выложенные на улице ковры позволяли сесть перед чистым покрывалом всего восьми воинам. Кроме Олега, хозяин пригласил Бий-Атила и Бий-Юсута, что вместе с ним и ведунom ходили на булгар, Бий-Султуна, самолично зарезавшего и разделавшего барана, вместе с обоими братьями, Фтахраном и Улугеем. Здесь же, разумеется, была и Роксалана. Сидеть за одним столом с женщиной для кочевников было, разумеется, позором – но лихую воительницу никто, похоже, уже давно не воспринимал как даму. Больше того, в застольях она получала либо голову, как и Олег, либо подвздошную кость – кусок, положенный первому помощнику главы рода или отряда. Ну а ведун раз за разом вынужден был ковыряться в голове – которую никогда не считал таким уж великим лакомством.

Впрочем, котел еще бурлил, главное угощение не поспело, и гости пока баловались кумысом и скромной закуской: курагой, изюмом и обжаренным с солью и перцем зерном: пшеницей, ячменем, овсом. Последнее лакомство кочевников, несмотря на свою немудреность, нравилось Середину больше всего.

– Завтра снимаемся, посланник, – то ли спросил, то ли сообщил Бий-Атил. – Куда поведешь нас дальше, мудрый путник?

– В кочевье куницы, – кивнул Олег.

– Там нищие земли, посланник, – вклинился в разговор Бий-Султун. – Наши отары и стада оголят пастбища всего за пару дней. И что дальше?

– Ты не веришь Приносящему добычу, друг мой? – безо всякой угрозы спросил воин и зачерпнул из деревянного бочонка пиалу кумыса. Однако старейшина от его движения почему-то отпрянул и едва не опрокинулся на спину.

– Скользко... – недовольно буркнул толстяк и сдвинул назад рукоять меча. – Я хочу сказать, что мы можем повернуть обоз и отары к Бигорану. Если у нашего мудрого посланника окажется меньше скота, он сможет провести больше времени в кочевье куницы и затем легко нагнать нас верхом.

Середин вздохнул и тихо предположил:

– Коли вы знаете, что за народ живет у Запретной реки, стало быть, отсюда к тем местам есть тропы? Ведь когда-то люди из здешней долины ходили туда и по делу, и в набег.

– Ой-ей! – Бий-Султун опять опрокинулся, едва не сбив коленом пиалу на достархане. Встал, поднял ковер, что-то под ним поправил и долго усаживался снова, покачиваясь и поправляя то ноги, то выпирающий над поясом живот.

– Предки не велели нам ходить по ту сторону гор, – открыто высказал сомнения при молкших кочевников Фтахран. – Нехорошие истории рассказывают про тамошние места.

– Я пойду с тобой хоть в пасть ифрита, посланник, – тут же упрямо вскинул подбородок Бий-Атил.

– И я не нарушу клятвы, – угрюмо заверил Чабык.

– Но есть ли туда дорога, уважаемый? – усомнился Бий-Юсут.

– Мы прошли, – с легкостью проболталась Роксалана, высыпая в рот целую горсть изюма.

– Ты пришел из Запретной реки? – Смуглое лицо Улугея посерело.

– Не из реки, – покачал головой Олег. – Просто с той стороны.

– И там... – Кочевник запнулся. – Там действительно есть живые мертвые?

– Больше нет, – лаконично ответил Середин, одновременно и подтверждая легенды местных жителей, и успокаивая их. О своей роли в чуде появления воскресших мертвецов и их гибели он предпочел скромно промолчать.

Староста и его братья переглянулись – они были людьми степенными и женатыми, лишних приключений явно не искали. Остальные гости вернулись к трапезе.

– Зачем нам туда, посланник? – озвучил свои сомнения Фтахран. – Путь через горы тяжел, люди по ту сторону неведомы...

– Там города, крепости, пашни. Люди зажиточны и многочисленны. Думаю, продать им остатки нашей добычи труда не составит.

Братья снова переглянулись, уже куда веселее. Одно дело – рубиться с живыми мертвецами, и совсем другое – набить кошелек после удачного торгового дня.

– Я слышал, люди с Запретной реки не знают золота, – поднял взгляд на ведуна Чабык.

– Это так, – согласился Олег. – Но они знают самоцветы, мечи, ножи, чеканку, зеркала.

– Самоцветы всегда в цене, – обрадовался Бий-Султун. – Заезжие торговцы за них любой товар всегда отдают готовы. Да и болгары, коли на торгу покажешь, враз ласковыми становятся. Ты путь помнишь, коим из-за гор к нам добрался? Повозки там пройдут?

– Разведать придется, – теперь уже не так уверенно ответил Середин. – Лошадей мы провели, но с повозками труднее будет.

– Коли верховые прошли, и возки как-нибудь проведем, – кивнул Чабык. – Где осыпалось – расчистим, где не расчистить – пронесем. Не впервой.

– Алмын! – повел носом староста. – Никак, горечью пахло? Пену, пену снимай! Спишь, что ли?

Мальчишка в длинном сером свитере грубой вязки, строгавший палочку за очагом, вскочил, засуетился вокруг котла. Шум послышался и возле реки, на краю стоянки. Кто-то громко засмеялся, другие кочевники стали что-то вразнобой выкрикивать. Гости тоже отвлеклись от достархана, прислушиваясь и пытаясь понять, что происходит.

Громко скрипнули колеса. Еще раз, уже ближе. Потом еще. Из-за юрты показался старый унылый коняга, натужно волочащий небольшую двухколесную арбу. На ней, привязанная за руки и за ноги к двум торчащим вертикально жердям, возвышалась фигура в замызганном черном чапане и волчьем малахае. Лицо жертвы было туго замотано веревкой от подбородка до бровей, тощие ноги обнажены до колен, выглядывающие из рукавов руки покрыты ссадинами и запекшейся кровью. За возком собрались с полсотни скучающих без дела нукеров. Некоторые просто любопытствовали странному зрелищу, а кое-кто уже кидал в выставленную на осмеяние жертву камни и комья грязи. Удачные попадания – в голову, колено или локоть – вызывали у зрителей восторг и взрывы смеха: жертва от боли забавно дергалась и приплясывала. Хотя лично Олег ничего смешного во всем этом не замечал.

– Здоровья твоим стадам и многих детей, уважаемый, – отделился от толпы толстощекий, но бедно одетый кочевник в сером стеганом халате и овчинной шапке, в простых сыромятных сапогах. Он остановился за очагом, низко поклонился, скинул заплечный мешок и распутал узел. – Наш род сам покарал твоего обидчика, досточтимый посланник. Не держи зла на наше кочевье. Ты знаешь, мы все хотели отпустить тебя и пророчицу. Лишь один из охотников пошел против общей воли...

«Пророчица!» Всего секунду ведун колебался, вспоминая, кто и где наградил Роксалану таким прозвищем, и тут же понял, кто перед ним стоит, что за земли занимает кочевье кунцы и какую вину они за собой ощущают. Он даже догадывался, какой подарок доставил ему старейшина с гордым именем Джайло-Манап.

– Вот твой обидчик, посланник. – Мимо костра прокатилась по земле и остановилась на самом краю ковра голова с взлохмаченными волосами и выпученными глазами.

– Миргень-Шагар, – скривился в грустной усмешке ведун. – Значит, я его все-таки не убил...

– Рана была глубокой, но жилы не задеты, уважаемый. Он выжил.

– Забавно... Неузвимую болотную нежить обломком кости убить легко, а люди выживают.

– Только он хотел твоей смерти и твоих мук, посланник. Род был против и требовал твоего освобождения. Ты ведь помнишь об этом, правда? – с надеждой спросил кочевник.

– Помню... – согласился Олег.

Помнил он, естественно, совсем другое – но зла к несчастному Миргень-Шагару не испытывал. У охотника разорили ловушки, украли добычу – ничего странного, что тому захотелось отомстить. Середин сквитался с ним за свои мучения точным ударом в горло и иной мести не искал. Коли выжил – такова воля богов, оценивших грехи бедолаги на своих весах справедливости. Значит, искупил вину малой платой.

Но обратно голову Миргень-Шагару все равно уже не приклеишь.

– А это кто? – кивнул Середин на повозку.

– Урга... – ответил староста. – Мы привезли ее на твой суд и суд пророчицы.

Джайло-Манап безусловно лгал. Кочевники просто побоялись убивать шаманку, опасаясь гнева духов, и предоставили эту возможность опасным гостям. Коли Олег с Роксаланой ее зарежут – на них и грех, и месть тоже на них обрушится.

– Урга?! – вскинулась девушка. – Урга! Что ты с ней сделал?!

Она вскочила, рванула из ножен меч. Кочевник отпрянул, сунул руку под халат и выхватил кистень на короткой рукояти. Гости Чабыка тоже поднялись, обнажая клинки. Сидеть остался только ведун. Зрелище отрубленной головы как-то лишило его желания заступаться за старосту. А в том, что сумасшедшая девица с мечом, выкованным из плоти заколдованного железного стража гномьих подземелий, легко порубит Джайло-Манапа в капусту, он ничуть не сомневался.

Однако Роксалана кинулась не на просителя – она подбежала к арбе, быстрыми точными движениями рассекла путы шаманки, подхватила рухнувшее тело, провела клинком сверху вниз, откинула куски веревки, погладила ладонью бледные щеки, коснулась кончиками пальцев свежей раны на лбу, зарычала подобно увидевшей овчарку тигрице и рывком повернулась к толпе. Кочевники рассеялись в считанные секунды.

– Я вас... Узнаю, кто... – скрипнула она зубами, приподняла Ургу на руки и тут же положила обратно. Спутница ведуна была альпинисткой, вертолетчиком, слаломистом, парашютистом и даже амазонкой – но только не грузчиком. Феминизм феминизмом, а против природы не попрешь. К счастью, девушка быстро догадалась взять под уздцы полудохлую животину, явно обреченную родом куницы на смерть вместе с шаманкой в общем костре, и повела к юрте ведуна.

– Ты пришел к нам с оружием? – зловеще поинтересовался Чабык.

– Это всего лишь плеть, – не моргнув глазом соврал Джайло-Манап и побыстрее спрятал кистень обратно.

– Ты пришел к нам с оружием, – повторил воин уже утвердительно.

Бий-Атил и Бий-Юсут, благо все равно уже стояли, осторожно двинулись к гостю по разные стороны очага.

– Твой род обитает южнее всех остальных кочевий, Джайло-Манап, – подал голос Олег. – Думаю, вы должны знать дорогу через горы к Запретной реке. Не может быть, чтобы никто не пробирался в столь близкие земли. Может, это и рискованно, но наверняка выгодно. Ты сможешь провести через горы обоз?

– Смогу, – торопливо сообщил староста и только потом уточнил: – Дорога через горы есть, но давно заброшена. Ходить к Запретной реке опасно. Ежели про это прознают колдуны тамошние, то Медного Стража по следу отправят либо мертвых, коли погибнет кто в стычке с порубежниками.

Воины остановились, вопросительно оглянувшись на Середина.

– Нам нужен проводник, – признал ведун. – Известная мне тропинка не очень удобна для большого обоза.

– Посланник предков не держит зла на ваш род, Джайло-Манап, – сделал вывод Чабык. – Ступай в свое кочевье и успокой соплеменников. Приготовьте нам место для стоянки, мы придем завтра.

– Пошли нукеров вперед по дороге, – добавил Олег. – Пусть проверят, насколько она проходима, и узнают, что нужно, чтобы не застрять среди скал.

– Наше кочевье будет радо принять столь уважаемого гостя, посланник, – склонил голову староста. – Мы заколем в честь тебя родового черного быка, ты станешь нашим хархоном.

Кто такие хархоны и чем так важен родовой бык, ведун не знал. Но, судя по смыслу, это было что-то почетное и безопасное, а потому Середин не стал возражать. За время годичного путешествия по реке Белой он успел поменять столько имен и титулов, что одним больше, одним меньше – роли уже не играло.

Сакмара

Аркаим – археологический комплекс, включающий укрепленное поселение и прилегающие хозяйственные площадки, могильник, ряд неукрепленных селищ. Общая площадь 20000 м²... Особенно впечатляют металлургические «цеха» Синташты. Город-крепость перестраивался и разрастался, были перенесены стены и ров. Внутренний же заваливался почти исключительно отходами металлургического производства. Около полутора веков процветала в Южноуралье Страна городов. Потом синташтинцы ушли. Их место пусто не осталось, его заняли, судя по всему, родственные племена. Но ничего подобного здесь уже никогда не было.

Материалы археологической экспедиции Челябинского университета под руководством Г. Б. Здановича

Известный Джайло-Манапу путь через горы оказался именно дорогой – широкой, удобной, без резких поворотов, подъемов и спусков. Кое-где, правда, ее присыпало оползнями, места повлажнее обросли леском – но для многих сотен нукеров это не стало препятствием. Камни в считанные минуты отбрасывались с дороги, деревья вырубались под корень, и обоз продолжал свое движение. Главное, там не встретилось скал и расселин – преодолеть иные неприятности было не сложно.

Когда воины откатили в сторону первую поваленную сосну, Олег из любопытства пересчитал годовые кольца. Получилось сто тридцать три. Значит, дорогу забросили где-то полтора века назад. Точнее не определишь: сосны ведь на накатанном тракте в первый же год не поднимутся. И неизвестно, самое ли старое это дерево из выросших – или так, середнячок.

За один день через горы обоз все-таки не перебрался. Шли они полных три дня, лишь в сумерках последнего попали в устланное серым, полустаявшим снегом ущелье, что тянулось уже не на север, к далекой Каме, а на юг – к Уралу. Но все же не три недели, как в прошлый раз. Отары тут же разбрелись: оголодавшие среди скал овцы разгребали снег и жадно поедали жухлую прошлогоднюю траву, благо здесь ее было в избытке. Лошадям тоже требовалось набить брюхо, так что кочевники простояли в столь хорошем месте два дня и затем двинулись вниз по сторонам от узенького, весело журчащего ручейка.

Отары ползли еле-еле, немногим быстрее улитки. Вечно голодные, бараны разрывали снег, выгрызали на открывшемся месте траву и только после этого делали несколько шагов, чтобы снова начать рыть. Разумеется, при желании их можно было погнать вперед – но тогда скотина останется голодной, ослабнет, начнет болеть идохнуть. Зимой стада и так порой в два-три раза редееют, коли снега слишком много. А если еще и гонять, мешая дорыться до еды, то можно и всю животину угробить.

Лошадям тоже требовалась еда – но зато за пару часов они могли промчаться от пастбища к пастбищу верст двадцать. А потому Олег, взяв с собой Чабыка и полусотню нукеров из рода ворона, поскакал вперед, чтобы уже через день спуститься к недавно освободившейся ото льда Сакмаре.

– Вот проклятие! – спешилс я ведун на пятнистом от полустаявшего снега пляже, сбил ногой с выпирающего камня юбочку припая. – Не везет, так не везет.

– Чем ты недоволен, посланник предков? – не понял Чабык. – Вот Запретная река, к которой ты так стремился. Мы дошли до нее, не потеряв ни одной телеги, ни одного коня и ни единого барана. Грех обижаться на богов после такой милости.

– Я не знаю, с какой стороны мы от городов Каима, дружище. – Олег присел, зачерпнул горсть воды, отер лицо. – По льду мы легко прошли бы вверх и вниз, нашли знакомые места. Сам знаешь, замерзшая река – лучшая дорога, ровная и прочная. Сейчас же я не представляю, куда повернуть, долго ли идти, и где брод – тоже непонятно. Этот берег скалистый, тот пологий. Если идти по суше, лучше бы переправиться на ту сторону.

– Мы пришли по торному пути, посланник, – после некоторого размышления напомнил кочевник. – Он не может оборваться в диком месте. Либо брод прямо здесь, либо дорога повернула. Нужно лишь найти куда.

– Полтора века прошло, Чабык, – вздохнул Олег. – Заросло все, как и не было. Поди угадай, где поворот? То ли здесь, то ли три версты назад, то ли его и не было. Да и брод за столько лет размывать могло. Тут дно – песок. Сам знаешь, как он текуч и капризен. Лезть наугад неохота, не май месяц на улице. Замерзнем.

Чабык опять задумался, спустя пару минут предложил:

– Я велю юному нукеру залезть на дерево. Ежели есть округ жильё, так дымы от очагов быть должны. Или хочешь – пошлем в реку воинов дно проверить. Коли бараньим жиром обмазаться, а опосля у костра согреться и мяса от души покушать, так от холодной воды не будет особого вреда.

– Дыма среди гор можно не углядеть. Особенно когда дрова сухие, а огонь далеко... – задумчиво пробормотал ведун. – Но мысль интересная... Только кровь живая нужна, у тебя найдется?

– Возьми мою, посланник! – с готовностью предложил воин.

– Такая жертва ни к чему, – отказался Олег. – Сойдет и баранья. Твои нукеры «сухой паек» с собой захватили? Тогда разводите костер. Пока – один. Скотину без меня не резать! Пусть сперва зола немного нагорит.

– Как скажешь, посланник, – склонил голову кочевник и обернулся к сбившимся у воды воинам: – Привал! Расседлывайте лошадей, готовьте хворост.

Середин отдал ему повод своего коня, направился к скалам, нависающим над водой у края ущелья, и принялся раскидывать ногой снег, заглядывая между камнями. Вскоре он нашел то, что хотел – чуть маслянистую, плотную глинистую проплешину, словно вstopорщенными перьями покрытую серым лишайником. Не желая приносить вреда больше, чем требуется, ведун косарем подрезал верхний слой, быстрым движением вырезал глиняный конус, после чего опустил мшистую пластинку обратно.

Пока кочевники разводили огонь, Олег хорошенько размял глину, время от времени макая ее в воду, после чего бросил возле берега сложенную широкими петлями веревку, омыл в реке лицо, простер перед собой ладони:

– Ты, вода, текла из-за гор, по полям, лесам, лугам широким, – забормотал он заклинание, что должно было установить его связь с одной из четырех стихий, – под небом синим, в ночи черной. В тепле грелась, в холоде мерзла, черноту снимала, красоту открывала. Забери, вода, глаз черный, уведи в путь долгий, по воде текучей, по руслу извилистому, по борам, косогорам, по лесам и ямам. Стань, вода, омутом глубоким, протокой широкой. Стань, вода, тропой путеводной, что человек не заметит, воробей перепрыгнет, крот подроеет, а Ний темный по тебе пойдет. Не на миг, не на час, а пока из начала до избытка не пройдет...

Ведун рывком выдернул веревку из воды, сделал несколько размашистых шагов и метнул ее на ближний костер – так, чтобы тяжелые влажные петли широким кругом оградили очаг от окружающего снега. Нукеры Чабыка предпочли отступить подальше – Середин, не обращая на них внимания, лезвием косаря раскидал угли, кинул в горячий пепел и золу шматок глины, принялся катать его в получившейся грязи, взглядом выискивая хромого воина:

– Чабык! Барана давай! Только на веревку не наступи, Ния пропустишь!

– Кого? – Кочевник за густую шерсть поднял с кошмы одного из взятых для ужина баранов, широко шагнул через препятствие.

– Это хозяин мертвого мира, – не таясь, объяснил ведун. – Я веревку заговорил, чтобы по кругу его пускала, пока не высохнет. Пока он жизнь баранью не заберет, мы ею пользоваться сможем.

– Как?

– Увидишь... – Середин слепил из глины грубую чашу, подставил: – В нее кровь пускай.

– Не вместится! – предупредил воин.

– Душа летучая, кровь текучая, плоть могучая, – уже бормотал заговор ведун. – Ни плоти души не удержать, ни крови, ни белу свету. Лети, душа, на волю, ищи, душа, свободу. В плоти тебе не усидеть, в свете тебе не сгореть, с кровью тебе вытечь...

Он кивнул кочевнику, и Чабык, правильно поняв знак, сильно и быстро провел ножом по горлу барана, вскрывая артерию. Кровь, пульсируя, хлынула в чашу. Олег дождался, пока напор ослаб, и стал торопливо разминать глину.

Ему припомнилось, как когда-то очень давно, больше десяти веков тому вперед, Ворон вывозил их в лес. Они бегали весь день в поисках сброшенных змеиных шкур и Иванова корня, собирали с ветвей шерсть, пытаясь угадать, кому она принадлежит. Ведь каждый зверь свой норы в будущем зелье оставляет: крот – злобу, рысь – терпение, волк – выносливость, лось – силу... У каждого зверя своя, особая жизненная сила. И в каждой частице она, словно маленький ген, таится.

Тогда они находились так, что к вечеру еле ноги переставляли, а уж оголодали – что заточенные в склепе упыри. Ворон же, выведя их к какой-то деревеньке, велел готовить ужин, привел барашка, а сам о ночлеге пошел уговариваться.

Когда он вернулся через два часа, на лугу возле узкого тихого ручейка горел костер, мучались голодом одиннадцать начинающих колдунов и пасся один барашек примерно десяти кило живого веса... Людям, привыкшим покупать в магазине мясо и тушенку в консервах да заказывать в кафе шашлыки, легко рассуждать о жестокости дикарей и брезгливо воротить нос от пахнущих парной кровью рук...

– Ты делаешь глиняного человека? – с жадностью наблюдал за работой ведун кочевник.

– Барана. Кровь барана, жизнь барана и тушка тоже должна быть его... – отогнув наверх коричневую голову, ответил Олег и поставил фигурку на землю. Барана она напоминала ничуть не больше, нежели свой прототип – скульптуры Церетели, но зато у ведун в запасе имелись кое-какие действенные средства. Олег зачерпнул из кострища немного золы и стряхнул на спину глиняной фигурке: – Не жить волку без волчицы, голубю без голубицы, лису без лисицы. Так и тебе, зверю из горячей золы, холодной глины и живой крови, одному не жить. Иди, зверь, ищи, зверь. Ищи племя свое, ищи долю свою. Ищи глину холодную, кровь парную, золу горячую...

Олег вскинул ладони и быстро отступил назад, чуть не врезавшись в Чабыка.

– Что теперь? – шепотом спросил воин.

– Глины везде хватает, – так же тихо ответил Середин. – Кровь тоже льется нередко... Но вот горячая зола или пепел бывают только в человеческом очаге. Если голем почует неподалеку огонь, аккуратно к ближнему жилью нас и выведет.

– А далеко ли он способен его заметить?

– Самый ближний... – неуверенно вспомнил уроки Ворона Олег и вдруг подумал, что магия способна указать фигурке и на костер по другую сторону планеты. Для высшего знания ограничений по расстоянию нет.

Вокруг стало горячо от дыхания: воины, слышавшие разговор, сгрудились почти к самой веревке, наблюдая за простенькой, наскоро сделанной игрушкой. Они, в отличие от христиан, не боялись колдовства. Для приуральских язычников духи, боги, лешие, русалки и колдуны не

были чем-то сверхъестественным. Эти люди каждый день оставляли свои подношения берегиням или духам, считали их своими соседями, каждый день встречались с шаманами и ведьмами и ничего особенного в этом не видели. Ну чародеи и чародеи – что такого? Кочевников беспокоило лишь то, дружелюбен кудесник или враждебен. Олег для них уже давно стал своим, и магия ведуна никого из рода ворона не тревожила, вызывая лишь любопытство.

Прошло несколько томительных минут – глиняное подобие барана не подавало никаких знаков.

– Ничего, – первыми разочаровались молодые воины.

– Не получилось, – хмыкнули те, что стояли подальше.

– Посланник ничего не смог, – услышали самые дальние из кочевников.

– Ну как? – наконец поинтересовался и преданный Чабык.

Середин тихо зашипел, пытаясь понять свою ошибку.

Кровь... Жизнь... Заговор Ния через воду, фигурка...

В фигурке чего-то не хватало. Чего-то малого – но все же мешающего принять ее за живое существо.

– Да! – внезапно сообразил ведун, подобрал пару махоньких угольков и быстро ткнул их по сторонам головы. – Глаза...

Он не успел заметить, как произошло изменение: он хотел лишь отереть пальцы, а когда через миг глянул на «барашка» – глиняный малыш уже мчался к реке.

– Не трогать! – крикнул он кочевникам, ринувшимся следом, опоясался, ткнул пальцем в Чабыка... Но приказ, уже готовый сорваться с языка, неожиданно выветрился из памяти, и Середин просто кинулся догонять маленького голема.

Фигурка оставила на снегу тонкий бисер следов, замерла у берега, но тут же свернула влево, метнулась вверх по течению. Движения глиняных ножек сливались в размазанные дуги, туловище мчалось со скоростью стрелы, не пугаясь ни скал, ни расклин, ни камней. Не прошло и двух минут, как колдовское порождение скрылось из глаз, и только длинный извилистый хвост оставшихся на снегу следов подсказывал, куда за «барашком» бежать. Преследовать малыша оказалось непросто: покрытые снегом и ледяной коркой валуны, небрежно сваленные матушкой-природой вдоль берега, не позволяли уверенно встать на ноги, вынуждали медленно перебираться с места на место, цепляясь за корни деревьев и ветки кустарника. Там, где големчик шустро проскакивал по тонкому насту – нукеры соскальзывали по откосу вниз, рискуя переломать конечности в расклинах или свалиться в воду.

– Ступайте обратно, бестолковые! – наконец не выдержал Чабык. – Разбивайте лагерь, готовьте еду.

Старый кочевник сразу догадался не ломиться через каменистые россыпи по прямой, по хорошо различимому следу, а обходить препятствия стороной, где проще, а потом выискивать тонкую прямую строчку на насте по другую сторону. Теперь он встречал своих нукеров за очередным взгорком и нетерпеливо хлестал себя плетью по колену:

– Шею зазря свернете – что матерям вашим скажу? Что дураков воспитали?

Ведун, оказавшийся среди тех, кто ломился через скалы, благоразумно промолчал, но к месту привала не вернулся. Вместе с воином они двинулись дальше, петляя меж скал и каменных нагромождений, и лишь часа через два пути нашли знакомый след по другую сторону густого черного ельника.

Голем нашелся за первым же деревом. Только теперь он был не барашком, пусть и уродливым, а всего лишь грязным, плохо пахнущим земляным комком. Чабык присел рядом, склонил голову набок:

– Он умер?

– Вербка высохла, – пожал плечами ведун. – Ний вошел в круг и забрал жизнь барана в свое царство. Теперь он пасется среди бескрайних пастбищ, среди неисчислимых стад, на которые охотятся наши усопшие предки.

– Смеркается, – выпрямился кочевник. – Сегодня повторить обряд мы не успеем. Придется завтра.

– Уже не нужно, – усмехнулся Олег. – Теперь мы и так знаем, куда идти в поисках жилья. Но ты прав, отложим это до утра.

Утром стало ясно, что голем не довел их до цели всего несколько шагов: едва идущие по старым следам нукеры обогнули скалу, от которой накануне вернулись к стоянке, как ведун сразу узнал знакомые горы: ущелье Аркаима, в котором обитали подданные свергнутого правителя здешних земель. Наезженная дорога тянулась между влажными кустами, одинокий возок, груженный всего лишь парой деревянных вил, медленно катился в сторону реки, влекомый понурой гнедой лошадкой. Столь же понурый возничий дремал на облучке.

Олег вскинул сжатую в кулак руку и жестом, понятным во всех краях мира, прижал палец к губам. Выждав, пока телега ускрипит на сотню шагов, он бесшумно скользнул вдоль тракта влево, стараясь держаться в слабой тени голых промерзлых акаций и за стволами деревьев.

Но вскоре стало ясно, что ведун старался зря. Могучие ворота неприступной горной твердыни оказались распахнуты настежь. Ни на входе, ни на стене не маячило ни единого дозорного, из бойниц не следили за путниками внимательные глаза лучников, не выглядывали над зубцами кончики копий, в любой миг готовых попасть в руки стражи. Четыре десятка чужаков в полном вооружении вошли в крепость, настороженно оглядываясь, не снимая ладоней с рукоятей мечей – и их никто даже не окликнул!

– Чабык! – Ведун указал воину в глубину долины: – Там деревня. Будь осторожен... Но постарайтесь зря никого не обижать. Я не хочу лишней крови. Мы пришли с миром. Продать свой товар и получить в обмен другой.

– Как скажешь, посланник. А ты?

– Я возьму половину людей. Там, наверху, тоже есть на что посмотреть... – кивнул Олег вправо, на мертвые скалы.

Чабык, естественно, ничего увидеть не мог, но законы ратных людей ставят приказы выше здравого смысла, и он ответил:

– Да, посланник.

– За мной! – махнул рукой ведун и, уверенный, что за ним идет необходимая поддержка, решительно направился ко входу на карниз.

Путь к дворцу Аркаима, вверх по узкой каменной тропе, занял почти четыре часа. Вознесенная чуть ли не на километровую высоту, обитель бессмертного колдуна выглядела нетронутой, в целостности и сохранности. В цитадели не хватало только ворот...

Прислушиваясь, ведун прокрался в расселину – но здесь не было ничего, кроме эха его собственных шагов.

– Осмотрите дом, – приказал нукерам Олег. – Никого не убивать! И не грабить! Если, конечно, никто сам не затеет схватку...

Ученика Ворона больше всего интересовало святилище Итшахра, что было спрятано в глубине высокогорного ущелья, а также покои колдуна – отделанные драгоценными камнями и слоновой костью, таящие в себе секреты магии древнейшего из народов, однажды бросившего вызов самим богам.

Увы, дворец исчез. Исчез бесследно, вместе с садом перед ним и освежающими фонтанами, вместе с истуканом бога мертвых, вместе с сокровищами и колдовскими зельями. Он не был засыпан – ведун отлично помнил скалы справа и слева и мог поклясться, что они сохранились в целостности. Он не был разрушен – утоптанная каменная крошка не носила никаких следов столь масштабных работ. Он не был унесен...

– Или был? – Ведун задумчиво прошелся до дальнего конца расселины, сужающейся в изломанную щель, что походила на молнию, предупреждающую об опасном напряжении. Он развернулся, произнес наговор на снятие морока, на отведение глаза, на оберег невидимости – все было бесполезно. Аркаим на совесть позаботился о покинутом жилище, сделав его недоступным ни для мага, ни для простого смертного. Дворец находился где-то здесь, целый и невредимый, полный сокровищ. Прятать брошенное, ненужное жилье колдун бы не стал. Зачем? Развалины и есть развалины: ходите, смотрите – плевать. Что было – то прошло. Раз спрятал – значит, было что прятать.

– Близок локоть, да не укусишь, – вздохнул ведун. Он надеялся пожить хотя чем-нибудь, унести какой-нибудь сувенир в память о давнишнем приключении. «Видно, не судьба. Интересно, что он прятал? Ведь самое ценное он наверняка вывез, еще когда я ему власть вернул. Трон, казну, оружие, кристаллы... Что тут могло остаться? Всякие безделушки, отделка... Святилище...»

Мысль показалась Олегу разумной: святилище Итшахра! Для мага, ищущего силу бога мертвых, безопасность истукана была важнее всего. И как раз каменного идола с места на место особо не поносишь. Пришлось прибегнуть к другим способам.

– Нужно проверить, не исчезло ли святилище на том берегу, – пробормотал Середин и резко развернулся: делать тут было уже нечего.

Кочевникам повезло больше: пробежавшиеся по зданию воины нашли пару ножей, потертую медную лампу, несколько керамических светильников, вырезанную из оникса фигурку обнаженной женщины, пустой сундук, несколько потертых шкатулок и туесков, обтянутый кожей круглый щит с выжженными по поверхности непонятными символами, добрый десяток ратовищ для копий, несколько сломанных клинков. Для затерянных среди горных долин племен железо само по себе представляло слишком большую ценность, чтобы выбрасывать порченное оружие.

– Вот это лучше тут оставить, – посоветовал ведун, указывая на щит. – Это могут быть защитные руны для владельца, а может оказаться проклятие для чужака.

Нукер, услышав такие слова, мигом метнул добычу в сторону. Вспорхнув с легкостью игрушечной летающей тарелки, щит умчался далеко над заснеженными скальными пиками, завис где-то в удалении и заскользил обратно. Кочевники дружно охнули – но выпуклый диск неожиданно отклонился в сторону и, врезавшись в гору, превратился в ледяное облако.

– Вот и хорошо, – подвел итог Середин. – Пошли в деревню.

Спуск от колдовского логова занял заметно меньше времени, нежели подъем – однако солнце все равно уже клонилось к закату.

Чабык нашелся в обширном поселке из трех десятков полосатых домов, сложенных из слоистого серо-черного базальта. Он восседал на камне, покрытом мхом и застарелыми рунами, возле столь же старого и замшелого колодца, не имеющего ворота и с частично прохудившейся крышей из дранки. Перед кочевником лежала кошма, на которой возвышалась горка из глиняной и деревянной посуды, нескольких бочонков и одного зеркала, сделанного из оправленного деревянной рамой осколка. Видимо, кому-то из местных удалось разжиться сломанным колдовским артефактом.

– Я же просил никого не трогать... – устало вздохнул ведун. – Мы пришли с миром.

– А нет никого, – развел руками кочевник. – Убегли. Во-он там в крайнем доме две старухи сидят, и вот в этом дед старый. Слепой совсем, и руки трясутся. Нукеры рассказывают, двух девок видели, малыша совсем малого да еще пару человек издалека. Ловить не стали, ты не велел. Так они спрятались куда-то, не видно. Чего же добра не взять, коли бесхозное?

– Берите, если таскать не лень, – не стал спорить Олег. Для него, выходца из богатой Новгородской Руси, было ясно, что каимцы бросили в домах только то, что и потерять не жалко.

Кроме, разве что, зеркала. Однако не столь зажиточным, хозяйственным кочевникам и деревянная миска была в радость. – Еда какая-нибудь нашлась?

– Солонины бочонок да зерна немного.

– Отлично. Тогда ночевать здесь останемся. Нам торопиться некуда.

– Это разумно, посланник, – степенно кивнул в ответ Чабык.

Оставив его возле скромной добычи, Середин отправился осматривать селение и очень скоро понял, что оно умирает. В трех из пяти домов печи были холодные, в топках висела паутина. На полках, на столах, на полу лежал толстый слой серой пыли, кое-где обнаружились следы птичьего и мышиного пребывания – причем тоже застарелые. А значит, тут никто не жил как минимум с прошлого лета.

– Положим, часть моей вины в этом есть, – вслух признался себе Олег. – Это я отсюда мужчин на битву с Раджафом увел. Но ведь не все же они погибли! Да и семьи должны были остаться, дети, родители. Странно.

Он свернул к крайнему дому, остановился перед закутанными в платки бабками с желтыми морщинистыми лицами, поклонился:

– Добрый вечер, уважаемые! Вы не голодны? Может, воды принести? Как здоровье?

Женщины не отреагировали – как и не слышали ничего. Продолжали сидеть бок о бок, глядя прямо перед собой, не моргая и вроде даже не дыша. Ведун подумал было сделать наговор на добродушие, но потом махнул рукой. Коли старухи и сами уйти не догадались и родичи о них беспокоиться не стали – значит толку никакого не будет. Расспросить, отчего владения Аркаима в такое запустение пришли, не получится. Для доброго разговора человек с ясным умом требуется.

– Ну и ладно, – отвернулся Середин. – Земля Каимовская велика, найдутся и другие обитатели.

Ночь прошла без приключений. Разместившись в двух соседних домах, кочевники от души протопили печи, сварили в двух ведрах найденную по домам еду: и солонину, и ячмень, и пшеницу – все вперемешку, от души наелись и легли спать, выставив пару дозорных. Деревенские жители не попытались ни напасть на спящих врагов, ни хотя бы взглянуть, кто к ним наведался. С рассветом же воины ушли сами, распределив поровну найденную добычу.

– Брод здесь, – указал Олег на просвечивающую вдалеке сквозь голый зимний лес реку. – Дорога прямо к нему выходит. Вот только не знаю, что проще: обоз сюда через каменные россыпи провести или там, у стоянки, мост построить?

– Строить мост через столь полноводную реку – дело нелегкое, – назидательно изрек кочевник.

– Брось, Чабык, – легкомысленно отмахнулся Середин. – Несколько плотов в два наката свяжем, веревкой на месте удержим. Ледоход уже прошел, до половодья вернуться успеете. А там пусть уносит, не жалко. Не так часто вам в Каим ходить приходится.

– Коли брод есть здесь, может и там найтись, – рассудительно ответил воин. – Поискать сперва надобно. Коли не удастся, тогда и о мосте думать станем.

– И это верно, – согласился ведун.

Чабык был, безусловно, прав – вот только лезть в ледяную воду Олегу совсем не улыбалось. И самому лезть, и других на такое испытание посылать. Просто смотреть со стороны на чужие мучения совесть ему не позволяла. Требуешь самоотверженности – не забудь показать пример. Но уже через два часа он понял, что искать брод все-таки придется: на месте их привала вместо одинокого костра, согревающего десяток сторожащих лошадей нукеров, раскинулось несчитанное число юрт, обустроились очаги и коновязи. Сюда, к берегу Сакмары, неожиданно быстро успел добраться обоз. А обоз – это уже тысячи, а не десятки людей, многие тысячи лошадей, огромные отары.

Скромных возможностей ущелья едва ли хватит, чтобы прокормить огромные стада дольше двух-трех дней. Потом, кровь из носа, но его армии нужно двигаться дальше. Или она останется без скакунов, возков и белорунных живых консервов.

– Чабык! – окликнул своего верного помощника ведун. – Вели развести два костра на берегу, посередине между излучинами. Начнем искать оттуда.

Свою юрту он обнаружил без особого труда: нукеры рода ворона поставили ее, как всегда, в центре лагеря и сложили по сторонам от входа два очага – они верили, что таким образом хранят Приносящего добычу от опасностей. Ведь огонь очищает незнакомого гостя, входящего в дом, от прилепившихся демонов, болезней и злых мыслей. Проверить гипотезу не удалось ни разу: за последние месяцы ни один незнакомец в юрту ведуна не вошел. На ходу расстегивая пояс, Олег откинул полог, шагнул в полумрак походного дома и... И замер, остолбенев от невиданного зрелища.

– А я маленькая га-адость, а я маленькая гнусь, я поганками нае-елась и на пакости стремлюсь! – жизнерадостно пела обнаженная снизу Роксалана, приплясывая вокруг слабо горящего в центре костерка и старательно извиваясь.

Следом за ней, ухватив девицу за пояс, подпрыгивала в стиле «летка-енька» страшная как смерть, патлатая шаманка. В этот раз она оказалась без малахая, а потому были хорошо видны ее впалые коричневые морщинистые щеки, черные круги под глазами, приклеенные на лоб желтые кариозные клыки и тощая цыплячья шея. Прочее тело скрывалось под бесформенным чапаном, из-под подола которого то и дело выглядывали грязные обмотки.

Сзади не отставали обе малышки-невольницы. На плечах у обеих лежали овчины, в руках первой был посох, которым она стучала по полу, вторая ритмично била в бубен. Точнее – бубном. Себе по голове.

– Что здесь... – растерянно сглотнул ведун. – ...происходит?

– Алеська, – перестав петь и прыгать, счастливо осклабилась воительница. – Вернулся мой дорогой-хороший-желанный...

Она одернула поддоспешник, подбежала и повисла у Олега на шее, орошая его лицо слезами. Ведун еле успел опустить полог, пока его спутницу еще кто-нибудь не увидел в таком виде.

– О великая Уманмее! – на тонкой ноте пропела шаманка, вскинув руки к дымовому отверстию. – Ты дала достойного слугу своей прорицательнице! Да пребудет с нами твоя милость и с тобою твоя мудрость!

Борд и Сноу остановились, однако продолжали в том же ритме стучать посохом и бить в бубен.

– Олечка, что я знаю!!! – Глаза Роксаланы вспыхнули дьявольским огнем, пальцы вцепились в ворот. – Я ведь пророчица! Ты колдун, а я пророчица! Мы созданы друг для друга!

Олег старательно принимался к ее дыханию и ничего особенного не учуял.

– Что предсказать успела? – осторожно уточнил он. – Надеюсь, это было обеденное меню?

– Мню! – обрадовалась Роксалана. – Мня! Мне! Мною, мною, мною и тобою! Между нами стена, стена, между нами ночь, ночь!

Воительница отпустила его ворот и задвигалась, как в комиксе, застывая в различных смешных позах. Невольницы опять запрыгали вокруг огня, перестукиваясь посохом и бубном.

– Уманмее ниспослала ночь! – взвыла шаманка. – Таково слово пророчицы!

– Какая ночь, ненормальные?! Полдень на дворе! Кумыса, что ли, насосались? – прошел к северной стене Середин, стянул войлочный поддоспешник, рубаху. – Девчонки, воды умыться принесите. Что у нас на обед? Я с утра не жрамши.

– Да-да, мой хороший, – восторженно воскликнула Роксалана.

Она кинулась к сундуку в изголовье их постели, двумя руками благоговейно подняла с него пятилитровый горшок, тут же опустила обратно, сняла крышку, сделала несколько боль-

ших глотков через край, закрыла, поднесла Олегу, но тут остановилась, подумала, отнесла назад, сняла крышку, подняла, повернулась к Середину, сделала пару глотков, вернула назад, на сундук, накрыла крышкой...

Ведун наблюдал за этими манипуляциями минуты полторы, потом решительно пересек юрту, сам снял крышку, принялся к горячему вареву:

– Ух ты, супчик! Настоящий, грибной! Откуда вы...

И тут его осенило.

– Что-о?! Грибы?! Опять?! – Он метнул горшок в очаг, отчего Роксалана пронзительно взвыла, потом поймал шаманку за шкурку и точно отмеренным пинком выкинул за полог, невольниц же схватил за уши и столкнул лбами: – Я вам покажу поганки жрать! Где вы их набрали? Кто посмел?!

Он отобрал посох и бубен, кинул в костер – но попал в спину Роксаланы, склонившейся над разбитым горшком:

– Что ты... Как ты... Тварь! Урод! Вонючая обезьяна! Да я тебя! Я... А-а-а!!! – Она кинулась к постели, запрыгала по ней, нащупала меч, решительно рубанула воздух: – У-убью-у!

Девочки молниеносно прыснули за дверь – воительница же вперила взгляд в сверкающий клинок, потом приложила его ко лбу, блаженно застонала и уселась, покачиваясь вперед и назад, заунывно заныла:

– И этому козлу я отдала лучшие свои годы!

– Один! – на всякий случай уточнил ведун. – А если по календарю, то и вовсе месяц. Когда мы вернемся обратно, то попадем в ту же минуту, когда исчезли.

– Ты чего себе воображаешь, порождение московского подвала?! – подняла на него мутный взгляд девушка. – Ты думаешь, я тебя вспомню? Да на черта ты мне сдался? Если я с тобой и сплю, так только потому, что все остальные мужики сальные и вонючие. Здесь, в смысле. А одной спать холодно! Поэтому, если ты на посторонних баб заглядываться начнешь, я тебе кишки быстро на весло намотаю. Ты мой, и точка! Папе расскажу, он тебя велит прихлопнуть...

Роксалана расплылась в счастливой улыбке. Середин попытался вникнуть в смысл ее речи... И не смог.

– Повтори, пожалуйста, – попросил он.

– Уманнее ниспослала ночь! – многозначительно сообщила воительница и спрятала меч за спину. – Иди сюда, милый, я так по тебе соскучилась.

– Ты уверена? – поднял брови ведун.

– Не бойся, песик, я больше не сержусь... – Она откинулась назад, соблазнительно выгнулась дугой и замерла. До Олега донеслось ровное спокойное дыхание.

Во избежание неприятностей ведун забрал у спящей спутницы оружие, спрятал под постель у стены, накрыл девушку краем подстилки, зачесал в затылке:

– Где же они грибов найти ухитрились? В горах, что ли, набрали? Шаманка, зараза! Она и в первый раз на грибах ворожила...

Олег снова опоясался, вышел на свет – но Урга куда-то скрылась. Зато Борд и Сноу, укрывшись овчинами, спали под коновязью. Олег их трогать не стал – он помнил, что после опьянения поганками человек надолго превращается в бесчувственное бревно.

– С обедом на сегодня ясно, – сделал вывод он. – Убью каргу старую! Все грибы в лесу сожрать заставлю!

И заставил бы – но поиски вокруг юрты результата не дали. Шаманка, видимо, тоже уже спала после грибного угара, но смогла найти достаточно незаметную и безопасную нору. Олег сплюнул и отправился к реке.

Нукеры Чабыка оказались ребятами спорыми и дисциплинированными – они уже складывали охапки хвороста у заснеженной скалы, ограждающей ущелье слева. У небольшой кучи щепы один из кочевников громко клацал кресалом. Место было выбрано верно – на излучине

шагах в двухстах выше по течению вода вымывала омут под скалами, на таком же расстоянии справа осыпавшийся песчаный берег доказывал, что на той стороне имеется омут не хуже. Если где и мог образоваться брод, то только здесь, на прямом участке. Разгоряченный случившимся, ведун кинул на мелкую обледенелую гальку оружие, стянул сапоги, штаны и полез в воду.

В первый миг ему показалось, что в икры вцепились зубами с десятков пираний. Олег даже глянул вниз – водичка в ответ весело и дружелюбно зажурчала, прокатываясь над ступнями прозрачными вихрями. Середин сделал шаг, еще, еще, подпуская «пираний» к коленям. Перевел дух и прошел еще немного. Стало легче: ноги онемели и потеряли чувствительность. Он оглянулся, понял, что не преодолел и четверти пути, зашагал дальше... Внезапно опора исчезла, Олег опрокинулся, ухнулся с головой, но тут же вынырнул и торопливыми саженками проплыл несколько метров. Ощувив кончиками пальцев песок, он встал на четвереньки, пробежал немного так, потом выпрямился во весь рост и выскочил на противоположный берег.

В лагере разгорался шум, десятки воинов бежали к реке, что-то крича и размахивая руками. Олег тоже несколько раз взмахнул руками, разгоняя кровь и, не оставляя себе времени на колебания, решительно вошел обратно в воду: остаться здесь голым и мокрым под квелим весенним солнцем было равносильно самоубийству. Два десятка шагов, несколько гребков саженками, еще два десятка шагов – и он, рассыпая брызги, выбрался к кочевникам.

– Хворост, хворост на дрова кидайте! – уже распоряжался здесь верный Чабык. – Что же ты, посланник?! Ни упредил, ни обмазался. На, выпей скорее!

– В-водка? – стуча зубами, с надеждой спросил ведун – хотя и знал, что до изобретения живительного напитка оставалось еще не меньше пяти веков.

Кочевник вопроса не понял и просто сунул ему в руки пиалу:

– Пей!

Это оказался бульон – густой, как сметана, и горячий, как расплавленное олово. После первых же глотков от живота по всему телу ощутимо поструилось приятное тепло.

– К-клас-с-сно... – передернуло ведуна. – Прямо к-к-конь... К-конь... К-конь?... Л-лучше «С-столичной». Ч-чем ты м-меня м-м-мажешь?

– Бараний жир с горчицей.

Щедро зачерпывая снадобье из туеска, кочевник растер коричневой мазью ноги Середина, потом занялся спиной и животом.

В кострах запылал хворост, перед Олегом и за его спиной выросла жаркая стена огня, отчего холод мигом отступил.

– Если хочешь запечь меня с хрустящей корочкой, жир с горчицей – самое то! – довольно щурясь, уже вполне связно сказал ведун. – И поливать сверху с половника каждые четверть часа.

– Я мыслил, ты у водяных речных помощи попросишь, – признался Чабык. – Ты же колдун! Наше болото от навок-нежити избавил, с духами ручья договорился. Нечто здесь не мог?

– Нет в этой реке нежити, – поморщился Середин. – Колдуну здешнему Раджафу пророчество было, что сын русалки его власти лишит. Вот он всех речных обитателей чародейством и извел.

– Слыхали? – Закрыв коробку с мазью, Чабык обвел собравшихся воинов тяжелым взглядом. – Нет здесь нежити. Никто не утянет, не защекочет, не схватит. Посланник предков сам не постыдился в воду пойти, а они лишь зенками стреляют! От каждого рода чтобы по два нукера немедля явилось! Прощупать дно от сих и до той излучины!

– Пожалуй, я еще раз тут дно проверю, – решил Олег. – А то и вправду цыпленком-гриль сейчас стану. Место тут в принципе удобное. Песок, пологий спуск, воды чуть выше колена. Но по самой стремнине яма идет – меня скрывает. Если ее обойти, переправимся легко.

– Ты токмо место укажи, – положил ему руку на плечо воин, удерживая между кострами. – Не дело голове воинства самому по ямам лазить.

– Здесь она, где я в реку входил, – тыкнул пальцем ведун. – Нужно как-то ее края пометить, чтобы по несколько раз не наткаться.

Уже через полчаса стало ясно, что пометать нечего – вымоина на стремнине тянулась по всей длине реки, от омута до омута.

– Видать, и вправду мост делать придется, – смирился Чабык. – Али дорогу к поселку проложить попробуем? Коли места окрестные разведать, может, и найдется ровный проход среди камней. А деревья повалим, дело привычное. Коли понадобится, так и камни раскидать можно.

Олег, уступивший место между кострами замерзшим после купания нукерам, вскинул голову:

– Точно! Ты мудрейший из воинов, Чабык!

– Нечто я тайну неведомую открыл? – удивился кочевник. – Порубить, расчистить – завсегда так делаем.

– Смотри туда! – тыкнул пальцем в обледенелые завалы камней ведун. – А теперь сюда. – Он указал на реку. – Ширина ямы шагов пять, глубина в полторы сажени. Да и не надо нам ее до поверхности засыпать, на сажень хватит. Носить недалеко, до вечера завалить успеем. Вот и будет у нас брод.

– На камнях лошади ноги переломают, – засомневался воин.

– Крупные валуны – вниз, мелкие камушки и гальку из корзин – сверху.

– Я преклоняюсь пред твоей мудростью, посланник предков, – приложил руку к груди. – Ты не устает удивлять меня...

– Достаточно, – перебил его Середин. – Я не красна девка – от восхвалений млеть. Назначай людей на работу. Время дорого.

Завалить русло на стремнине было вроде бы делом несложным – но Сакмара оказалась не так проста и тут же начала подмывать переправу, унося песок с обеих сторон каменного завала. Поэтому Чабык приказал сразу гнать обоз на другой берег и, несмотря на ночь, сворачивать юрты. Пока часть нукеров скатывали войлок, остальные одного за другим на плечах переносили баранов – для них брод оказался слишком глубоким. Уже на рассвете на южный берег, глубоко проваливаясь в прибрежные канавы, перекатились арбы с походными домами и тремя бесчувственными телами: Роксаланы и юных невольниц. Шаманка не нашлась – чему Олег был только рад.

Дабы не ломиться через лес, колонна сопровождавших обоз кочевников прошла до брода перед уже обследованным поселком по кромке воды – благо пологий берег позволял – и свернула на хорошо заметную проселочную дорогу. Здесь путники остановились на привал – и Олега отыскала его полуголая спутница, отчаянно одергивавшая поддоспешник, словно надеялась вытянуть его до колен.

– Ты с ума сошел, придурок?! – громким шепотом зашипела Роксалана ему в ухо. – Ты чего меня в таком виде в телеге повез? Где одежда?

– Это не я тебя повез, – усмехнулся ведун. – Это ты в таком виде вырубилась. Меньше нужно поганки жрать, коли не хочешь глупо выглядеть.

– А это не твое собачье дело, что я жру, – присела рядом девушка, одергивая края войлочной куртки до земли. – Ты мне не муж, не брат и не визажист. Одежда где, спрашиваю?

– Я тебе не муж, не брат и не визажист, чтоб за твоим тряпьем следить. – Середин невозмутимо продолжил жевать холодную баранину. – Как юрту складывали, в общую кошму свернули. Походи, нукеров поспрашивай.

– Вот и пойду! – пообещала Роксалана. – Но ты, имей в виду, ко мне чтобы больше и близко не подходил! Я себе мужика получше найду, антифриз разбавленный. Молодого и не трусливого.

– Попутного ветра, – пожал плечами Середин. – Наркоманки ныне в большом почете.

– Думаешь, не найду? – вспыхнула директор по продвижению и маркетинговому обеспечению фирмы «Роксойлделети». – Да как два пальца на телефон! – Она вскочила, повела плечами, прошла до соседнего возка, поманила пальцем широкоскулого паренька с рыжеватым пушком на верхней губе: – Эй, служивый, познакомиться поближе не желаешь?

Нукер покосился на Олега, подобрал с земли бурдюк, сунул недоеденное мясо в рот, поднялся и отошел за возок. Его жизненный опыт подсказывал, что он рискует познакомиться ближе не с женщиной Приносящего добычу, а с его мечом. В кочевьях никогда не существовало ничейных девушек. И уж тем более – свободных. А посягая на чужое имущество, всегда рискуешь напороться на клинок хозяина.

– Во дурак... – хмыкнула девушка, огляделась и двинулась к четырем воинам постарше, сидевшим дальше.

Однако и эти кочевники решили, что «близко знакомиться» со спутницей посланника предков так же полезно, как гладить голодную гремучую змею, и сделали вид, что вспомнили про важные дела еще до того, как Роксалана успела к ним приблизиться. Девушка презрительно выдохнула вслед:

– Трусы!

Между тем ближайшие нукеры, заметив размолвку главы войска и его спутницы, предпочли отступить подальше, не дожидаясь продолжения. Оно и понятно: колдун и воительница поссорятся-помирятся, а обида на вмешавшихся в свару останется. И вскоре наверняка аукнется. Если посланник предков нежить в проклятом болоте истребил – нечто он и для человека надежной порчи не найдет?

– Ну ты и гад! – правильно все поняв, вернулась к ведуну девушка. – Гендерный шовинист! Я это тебе припомню!

– Есть будешь? – улыбнулся Середин. – Хватит кипятиться, лопнешь.

– Доволен, да? Доволен? – У Роксаланы от злости заиграли крылья носа. – Твое счастье, что у меня меча с собой нет.

– Ты хочешь, чтобы тебя закололи на моей тризне и отправили в мир мертвых в общем кургане? – с наивным видом поинтересовался ведун. – И сложили красивую легенду, как супруги жили мало и шумно, зато умерли в один день.

– И не мечтай! – чуть не проткнула его пальцем девушка. – Я тебя... Я тебе... погоди, вернемся домой...

– И не забудь, – отер руки о траву ведун, – что только я знаю, как нам с тобой вернуться обратно в будущее.

– Чмо невоспитанное!

– Ну нету здесь салфеток! – возмутился подобному упреку Олег. – И крана с мылом и полотенцами!

– И этот фоллинг-тренд блов-фиша ² еще набивается мне в мужья! – вскинула глаза к небу девушка. – Уж лучше бы я наелась мухоморов.

– Еще успеешь, – пообещал ведун, нутром почуявший, что услышал не комплимент. – Если все пойдет хорошо, до осени мы успеем расстаться.

– Ты повесишься? – радостно поинтересовалась Роксалана.

– Повесится твой папа, – не удержавшись, огрызнулся Олег, – когда снова увидит тебя дома. Я думаю, пока кочевники меняют у каимовцев свою добычу на железо и безделушки, мы

² Блов-фиш (Blob Fish) – рыба с человеческим лицом. На редкость уродливая тварь.

вполне можем купить лодку и уйти вниз по реке. До Каспия добраться не трудно, течение само донесет. А возле устья Волги попытаемся на купеческую ладью напроситься. Здесь все рядом, за три-четыре месяца до Мурома доберемся.

– Подожди, – напрыглась девушка. – Тут же почти треть обоза – наша доля! Как мы ее получим, если во время консультаций уплывем?

– Каких консультаций? – не понял собеседницу Середин.

– Переговоров о продаже добычи! – повысила голос Роксалана.

– А-а, – хмыкнул Олег. – Вообще-то по-русски это называется торгом.

– Да хоть «первичное размещение»! – рыкнула девушка и прошла перед ним из стороны в сторону. Про свой забавный внешний вид она явно забыла. – Как мы получим нашу долю, если уплывем?

– Ох, на колу висит мочало, – выдохнул ведун. – Ты что, не понимаешь? Мы не на лифте домой поедem, нас заклинание перенесет. Так что никакого добра мы с собой не унесем, не получится. Только одежда да то, что в руках и в карманах.

– Я согласна положить в карманы пару кило золота, – кивнула девушка.

– А золота не будет, милая, – приторно улыбнулся ей Середин. – Не в ходу здесь такая валюта. Каимовцы для оплаты стеклярус предпочитают, как древние египтяне. Помнишь, как саксы у дикарей золото на бусы выменивали? Ну вот, теперь, кроме бус, туземцы ничем не платят.

– Как же эти?.. – многозначительно повела пальцем вокруг девушка.

– Здесь куча металлургических плавилен и мастерских. Мечи, ножи, топоры, копья кочевники с руками оторвут, за них можешь не беспокоиться. Останутся довольны. А вот нам под шумок хорошо бы исчезнуть. А то я нынче вроде талисмана. «Приносящий добычу». – Олег покачал головой. – Так просто не отпустят.

– Давай тоже мечей и топоров в обмен возьмем? – Понизив голос, Роксалана оглянулась по сторонам, опустилась на колени, одернула поддоспешник, взяла из горшка перед ведуном поблескивающий жиром кусок мяса, брезгливо стерла белые крупинки пальцем. – Я помню, железо тогда ходовым товаром считалось. Погрузим в лодку, отвезем в Муром, там за золото и продадим.

– Ты видела, сколько народу увязалось меня домой «проводить»? Думаешь, им просто скучно дома? Думаешь, они так просто смотреть станут, как я в лодку сажусь, и ручкой с берега помашут? Они хотят новой войны и новой добычи! Но я новой крови больше не допущу. После того, как нукеры, что ходили с нами в Булгарию, смогут обменять свою добычу на что-то реально ценное, моя совесть будет чиста. И я испаряюсь, понятно? Хочешь – со мной плыви, хочешь – в этом веке оставайся, уговаривать не стану.

– Но это и моя добыча! – возмущенно выкрикнула Роксалана во весь голос. – Я за нее кровь проливала!

– Можешь намазать ее на хлеб и засунуть себе за пазуху, – сухо ответил ведун. – Но как только начнется торг, я исчезну. Увязаться за собой никому не позволю. На Руси лишние разбойники не нужны, пусть болгар грабят. В русском порубежье от этого только спокойней будет.

– Ты хоть понимаешь, сколько все это стоит, – округлила глаза девушка. – Там ковры, меха, китайский фарфор, арабская чеканка. Даже в наше время это... Это... А здесь... Я тебе клянусь, пару кило золота мы всяко должны получить!

– Тебе что, папа мало баксов на шпильки отсыпает? – вскинул брови Середин. – Просто домой вернуться не хочешь?

– Хочу, – кивнула воительница. – Но... Но это же наше?! Меня из-за этого пять раз чуть не убили! Меня на пику поднимали и горло перерезать пытались!

– Кто тебя в драку-то гнал? Сидела бы тихо в обозе и не беспокоилась.

– Сам ты импотент! – моментально вспыхнула единственная феминистка современной планеты и зашарила на поясе в поисках меча. – Скажешь, место женщины – на кухне у плиты?! Что мужики воюют, а бабы только ноги должны перед победителем расставлять?!

– К плите на кухне еще попасть надо, – тяжело вздохнул Олег. – В общем, решай сама, со мной или с награбленным останешься. Дней пять у тебя еще есть.

– Я тебе это еще припомню, самодовольный бурдюк! – прошипела девушка. – Сам всю жизнь на кухне сидеть будешь!

– Думай, – повторил Середин. – Одежда твоя, кстати, в каком-то из наших сундуков, вместе с шамшером. Я его запер, меч из плоти горного демона без присмотра оставлять нельзя. Все-таки опасная колдовская штука. Но где сами сундуки, не знаю. Юрту складывал не я.

– Мог бы и поинтересоваться, раз так важно... – уже без прежнего ожесточения ответила Роксалана, выковыривая из горшка сразу два куска. – Ты Ургу не видел?

– Увижу – шею сверну, – искренне пообещал Олег. – И чучело поганками набью – потомкам в назидание.

– Торг-то скоро начнется?

– Надеюсь, дня через три...

Олег ошибся, причем довольно здорово – обоз полз к первому приграничному поселению девять дней. На его памяти, в первом походе он одолел это расстояние за два дня. Но то было верхом, летом, на сытых, отдохнувших конях. Ныне скакуны уже вымотались, они тянулись губами к каждой травинке, с наслаждением обглаживали веточки с молодыми почками. Впрочем, лошади еще ладно – они могли совершать стремительные переходы, после чего по несколько часов отдыхать. Но вот отары... Бараны проходили пять-десять верст – и принимались разгребать крупянистый, перемерзлый и оплывший наст, добираясь до травы. А огромный обоз останавливался, тысячи воинов послушно замирали рядом, расседывали скакунов, распрягали мерин, разводили костры. Кочевники никуда не торопились. Скот воспринимался ими как высшая ценность, время – как второстепенная. Лучше потерять лишний месяц в пути, нежели оставить отару голодной.

Когда за очередной березовой опушкой показались высокие стены города, Олег уже устал ждать и даже не удосужился прищипить коня. Вместе с вяло бредущими сотнями он доехал до чистого предполя, на котором не только сошел снег, но уже и зазеленела низкая, густая, как кошачья шерсть, трава.

Кочевники спешили от твердыни на почтительном расстоянии, расседывая коней, складывая потники и упряжь вокруг будущих костров, уводя скакунов к ручью на водопой. И только Олег повернул коня к селению, названия которого за давностью лет уже и не помнил. То ли Кива, то ли Ламь. Или Туеслов? Хотя нет, Туеслов был разорен начисто.

На первый взгляд, здесь все выглядело, как раньше: насыпанный по правильной окружности земляной вал, частокол поверху, к нему из недр рукотворного холма тянулись сизые дымки. За частоколом маячили фигурки защитников: темные одежды, блестящие шлемы, выглядывающие поверх тына длинные и широкие наконечники копий, больше похожих на ассагаи.

– Ты почто, посланник? – осадил рядом коня Чабык. – Стрелу ж пустить могут!

– Вспомнил, – повернул к нему лицо Олег. – Вспомнил, это Кива. В прошлый раз я взял ее без боя. Правда, никакого частокола тогда на стене не было.

Он тронул коня, медленно объезжая город, подобно кружащей вокруг добычи акуле. Защитники, сталкиваясь и переругиваясь, топали следом по свою сторону стены.

– Лучники, посланник. – Кочевник заехал с другой стороны, закрывая главу войска своим телом. – Они могут выстрелить! Ты слишком близко.

– Где ты видишь лучников, друг мой? – пожал плечами Середин. – Лично я даже копейщика ни одного не замечаю. Эта деревенщина держит копы, словно вилы, и бежит следом, как дворовая собачья стая. Разве опытный воин станет строить оборону таким образом?

Чабык натянул поводья и тоже повернулся к Киве, ладонью прикрыв глаза от солнца. Хмыкнул:

– Прости, посланник, но мне мерещится, что там среди воинов бабы!

– И они с оружием, – кивнул Олег. – А иные защитники ноги переставляют со скоростью подагриков.

– Как такое может быть, посланник предков? – удивился кочевник.

– Может, – скривился ведун. – Если здесь случилось то же, что и на левом берегу.

– Что?

– Это еще нужно узнать... – Середин скинул шапку, направил скакуна к самой стене и привстал на стременах: – Слушайте меня, жители Кивы! Слушайте и смотрите! Я тот, кто два года тому взял этот город именем мудрого Аркаима! Смотрите внимательно, жители Кивы, вы все должны меня помнить. Я тот, кто взял город именем Аркаима. Тот, кто обещал городу покой и безопасность, если он не станет сопротивляться. Вы должны помнить, что я сдержал слово! Слушайте меня и не говорите, что не слышали! Я хочу, чтобы вы вновь открыли мне ворота и склонили головы! За смирение я вновь обещаю вам покой и безопасность! Даю вам времени до утра, жители Кивы. С рассветом вы должны сдать город. Если мне придется послать на стены воинов, я уже не стану их останавливать.

Он тряхнул головой, нахлобучил шапку и неспешной трусцой отправился к лагерю.

– Мыслишь, откроют? – скакал стремя к стремени Чабык. – Стены у них, вон, высокие, нас заметили издалека. Могли вестников к родичам за помощью послать.

– В прошлый раз я их не обманул, – пожал плечами Середин. – Так какого рожна им кровь свою лить, коли можно выкупом отделаться? Нас сотни, их всего несколько десятков. Погибнут все. Ты вот что... Давай расположимся по эту сторону лагеря, пусть нас со стен видят. Как бы не побоялись через весь лагерь идти. И вели поставить юрты. Для солидности.

– Прости за дерзость, посланник... Но ведь ты хотел торговать на здешних землях, а не воевать с ними?

– Воевать и не придется, – уверенно пообещал ведун. – Не то соотношение сил. Торговать тоже не с кем. Полсотни ремесленников товара в обмен на наш обоз не наберут. Просто мне очень хочется осмотреть город. Изнутри. Больно непонятно он теперь выглядит. Торгуют же горожане за стенами. Даже со своими. В общем, проще его покорить. Опять же крыша будет над головой для тех, кому юрт не хватает, и место надежное, куда товар до времени удобно схоронить. Разве плохо?

Возможно, у Чабыка было другое мнение – но спорить с Приносящим добычу он не стал, а молча послал своего коня вперед.

Когда кочевники уже прочно обосновались в поле перед городом, подкрепились после недолгого перехода и развалились по кошмам и потникам, греясь на вечернем солнышке и ожидая нового дня, по склону города неуклюже заковылял какой-то бородач в белой рубаше, босой и ничем не опоясанный. Даже спустившись на ровную землю и шагая по гладкой тропинке, посланец Кивы приволакивал обе ноги и страдал такой одышкой, что слышно ее было за сто шагов. У Олега возникло чувство, что он провалился на несколько лет назад – так походил этот жалкий, старый и больной посланец на предыдущего.

Правда, груши и цветка у этого не оказалось – их заменяли слегка лежалые яблоки и ивовая ветвь с проклюнувшимися листиками.

– Милости просим, чужеземцы, – подойдя к путникам, упал на колени старик и стукнулся лбом в землю. – Мы люди мирные, вражды ни к кому не питаем, ссор ни с кем не имеем. Не карайте мечом невинные головы, не проливайте напрасной крови. Коли нужна вам от нас в чем имеется, то мы ее и так восполним. Коли вам опять нужны наши мертвые, мы отдадим их со смирением. Коли обиду какую учинили, так виру выплатим. Не чините напрасного зла, чужеземцы, и боги осенят вас своею милостью.

Кивец, не вставая, разогнул спину, протянул свои подношения. Олег забрал яблоки и ветку, передал их Роксалане, приложил ладонь к груди:

– Будьте спокойны, жители Кивы. Мы не причиним вреда ни вам, ни вашему городу. Порукой тому мое слово. Мы хотим получить лишь кров, отдых и немного еды. Походная пища утомила нас однообразием. Откройте завтра на рассвете свои двери и ничего не бойтесь. Ступай, старик, и успокой своих земляков. Война не войдет в ваши жилища.

Посланец, не вставая с колен, отполз на десяток шагов, поднялся, отступил еще немного, снова поклонился и побрел к городу.

– Дозволь, Приносящий добычу, я пошлю дозор на ту сторону, – кашлянул Чабык. – Как бы ночью в темноте они не разбежались.

– Не нужно, – отмахнулся ведун. – Если останавливать силой, прольется кровь. Я не хочу напрасных смертей. Когда без этого можно обойтись, не станем приумножать число страданий.

– Ты просто Спиноза, Олежка, – хмыкнула Роксалана и потерла яблоко о нагрудный доспех. – С этим чего делать?

– Можешь съесть, можешь девочкам... – Последние слова ведуна заглушил смачный хруст.

– Сладкое!

– Беглецы могут унести самое ценное, – опять вернулся к своему предложению воин.

– Пусть несут, – легко согласился Середин. – Пусть недовольные бегут, Чабык. А то запрутся где-нибудь, начнут обороняться, устроят пожар... Зачем нам это нужно? Коли бедняки спрячут в кустах несколько старых мисок, от нас не убудет. Целый и невредимый город всяко дороже.

– Зачем тебе город, посланник? – с искренним недоумением истинного кочевника удивился Чабык. – Земли всех наших родов в твоём распоряжении, ставь свою юрту где пожелаешь, выпускай свои стада, выбирай себе жен, расти детей.

– Про жен он пошутил! – строго предупредила Роксалана и свободной рукой погладила рукоять шамшера. В ее симпатичной головке обиды носили некий странно-выборочный характер. Когда они укладывались на ночлег, она про минувшую размолвку помнила. Когда Олег собирался устроиться отдельно, напрочь забывала. – Слушай, а каких это мертвых тебе обещал этот ненормальный?

– Ну-у... – Вдаваться в детали первого своего похода в здешние края ведуну, естественно, очень не хотелось. – Тут, понимаешь... Тут все эту легенду знают. Говорят, в давние времена колдуны оживляли мертвых и отправляли их воевать вместо людей.

– А че, практично. – Девушка метнула огрызок в сторону города. – Война идет, а никто не погибает... Ты чего так на меня смотришь, Чабык?

– Ты прав, посланник, – кивнул воин, – каимцы честны. Они не попытались тебя отравить.

У Роксаланы округлились глаза, она натужно закашляла:

– Ты чего... чего раньше... не сказал?!

– Мы готовы дать тебе красивых послушных жен, посланник, сколько ты пожелаешь, – как всегда невозмутимо повторил Чабык. – Зачем тебе город?

– У меня есть нехорошие подозрения, – вздохнул Середин, наклонился вперед и постучал спутнице по спине. – Очень нехорошие. Так что не будем торопиться. Утро вечера мудренее.

– Как скажешь, посланник. – Воин поднялся и, прижав руку к груди, почтительно поклонился Олегу и Роксалане. Видимо, русскую присказку он принял за намек на позднее время.

– Кирзач старый, – буркнула себе под нос девушка, провожая его взглядом.

– Ты забыла вспомнить про гендерный шовинизм, – улыбнулся Олег.

– Он меня чуть не отравил!

– Ты сама все время их дразнишь. Имей уважение к чужим обычаям.

– Это не обычаи! Это дискредитация по половому признаку, унижение и надругательство, – завела знакомую пластинку Роксалана. – Любая женщина умеет драться не хуже мужика, умеет стрелять, умеет прыгать с парашютом. В конце концов, любая женщина умнее мужиков!

Олег, покачив головой, отправился в юрту: спорить с воительницей, хронически забывающей, что имеет вдвое легче мужских и меч, и доспех – выкованные как раз Серединым, – было бесполезно. Она не понимала, что в первую очередь ее защищает не собственное мужество, а слава любимой жены колдуна, Приносящего добычу. И уже во вторую – ловкость и отвага.

Рука отодвинула полог – и прямо перед собой, лицом к лицу, ведун обнаружил страшную рожу: черные обвислые глаза, кровавые потеки на щеках, полоска зубов на лбу. Олег отпрянул, но тут же сообразил:

– Урга! – и ринулся внутрь...

Меч вынимать не потребовалось – шаманка исчезла, как сквозь землю провалилась. Невольницы уже дремали – их не спросишь, под походную постель из овчинных шкур спрятаться невозможно, никаких порезов на кошме или повреждений в решетках стен тоже видно не было.

Праздник изготовления чучела снова откладывался.

* * *

Ранним утром, когда солнце, протискиваясь между облаками, медленно выползло из-за горизонта, проснувшимся обитателям воинского лагеря представилось необычное зрелище. В частокле осажденного города одна за другой на все четыре стороны открылись прочные калитки из сбитых в щиты жердей. Тут и там вверх откидывались люки. Жители Кивы выбирались из домов и в чистых белых одеждах, без обуви и поясов, спускались на поле между чужеземцами и городом. Женщины, дети всех возрастов, старики – они один за другим вставали на колени и склоняли головы, ожидая своей судьбы. Смиранные, они вытягивались в белые линии, десяток за десятком. Три, четыре... Пять с небольшим.

– Горожан не обижать! – еще раз громко предупредил Середин. – Не убивать, не калечить, не грабить! Теперь это наши люди...

Он первым пересек свободное пространство, предназначенное для битв между захватчиками и защитниками каимской твердыни, поднялся на стену, прошел по внешнему валу, заглядывая в распахнутые люки.

Первое, что бросилось ему в глаза – так это то, что повсюду исчезли зеркала. Те самые, что давали жилищам свет. Через которые мудрый Раджаф приглядывал за подданными и через которые при необходимости успешно передвигался. Второе – в городе полностью отсутствовал запах угля. Будучи кузнецом, Олег с легкостью отличал запах перекаленного с железом или медью топлива от обычного перегара из домашнего очага. Зато многие продушины приторно воняли навозом. Это означало, что в бывших ремесленных мастерских, некогда наполненных звоном и жаром, теперь переминались козы и коровы, дожидаясь, когда их выпустят на весенние пастбища.

– Вот проклятие... – Он быстро пересек все три вала, за центральным спустился вниз, в святилище – и обнаружил почти опустевший за зиму, пахнувший влажной табачной сладостью сеновал. От прежнего города не осталось ничего: ни богатства, ни людей, ни богов. Город напоминал крепкое страусиное яйцо, из которого ловкий усатый-полосатый сурикат высосал все содержимое. Уцелела только скорлупа. – Вот тебе и поторговали...

Середин поворошил ногой рассыпанные на каменных плитах соломинки, печально хмыкнул и выбрался наверх. Сделал еще круг по среднему валу, надеясь заметить хоть какие-то признаки прежнего богатства, спустился вниз, к покорным каимовцам, медленно двинулся между

рядами. Старики, старики. Дети. Большею частью – малолетки. Среди слабого пола не оказалось никого младше сорока на вид и старше двенадцати, среди сильного – младше шестидесяти и старше десяти.

– За старосту у вас кто? – мрачно поинтересовался он возле грудастой тетки с уродливым шрамом поперек лица.

– Я здесь, господин! – поднял голову давешний старик, что выпрашивал для города милость чужаков.

– Неужели? – усмехнулся Олег. – А я думал, на заклятие отправили самого больного и слабого, которого не жалко.

– Прости, господин. Среди живых у нас нет достойных уйти с тобой.

– Вставай, колени застудишь, – дернул пальцем вверх ведун. – Идем со мной. Остальные пусть домой возвращаются. Отныне у вас начнется новая жизнь. Непривычная, но совсем не страшная. Привыкайте. Чабык! Вели собрать в городе оружие, как бы не порезались с непривычки. Отныне эти несчастные под нашей защитой, самим им воевать не придется.

– Слушаю, посланник, – мгновенно повеселел кочевник. Оружие – это тоже добыча, и совсем неплохая. Значит, не зря через реки и горы сюда пробирались, не зря колдуну-иноземцу снова доверились.

Старик же со всех сил заторопился за ведуном – но никак не поспевал, прихрамывая сразу на обе ноги и неестественно раскачиваясь.

«Вот уж кому бараний жир с горчицей не помешал бы», – подумал Олег, входя в юрту, и...

– Уманмее, птах-птах, Мардук-хана, птах-птах, Тха-кемана птах-птах, ваюли-и-и-и! – была старая вонючая шаманка над чадящим очагом, надвинув малахай по самые зубы. С раскинутыми руками, со свисающими полами чапана, она походила на грифа-стервятника, отпугивающего от добычи незваных чужаков.

Добыча была здесь же: Роксалана стремительно кружилась на постели, закатив глаза, вскинув ладони с растопыренными пальцами, каким-то чудом не путаясь в овчинах и не теряя равновесия. В этот раз у нее хватило ума натянуть долгополую рубаху – но вот отказаться от пожирания поганок директор по продвижению и маркетинговому обеспечению фирмы «Роксойлделети», вестимо, не смогла и теперь была на одной ноте, роняя слезы и слюни.

– Чертова наркоманка! – Олег рванул из ножен саблю и прыгнул через очаг, метаясь рукоятью Урге в лоб. Как ни был зол, он не хотел заливать ковры и постель кровью прилипчивой наркоторговки – отрубить голову и вспороть живот можно и на улице.

Шаманка мгновенно сложила руки и присела, сворачиваясь в темно-серый клубок. Ведун споткнулся, кувыркнулся через этот живой шар, вмиг вскочил, настороженно водя кончиком клинка из стороны в сторону. И тут же на нем повисла заплаканная Роксалана, покрывая лицо беспорядочными поцелуями:

– Милый мой, хороший, любимый! Не умирай, не умирай, родненький! Как же так, как, уже!

– Отвяжись, алкоголичка! – Ведун пытался высмотреть старуху-грибницу через ее плечо, но девушка со своими поцелуями застила обзор.

– Я видела, видела! Небеса огненным гневом пошлют на тебя степную безногую лошадь смерти!

– Ага, сейчас... – Левой рукой Олег прижал Роксалану к себе, чтобы не дергалась, и наконец смог оглядеться. Разумеется, шаманка сгинула.

– Небесные бубны ударят в стекло, и примешь ты смерть от коня своего!

– Чего? – Услышанный перл заставил ведуну начисто забыть про ведьму из рода куниты. – Милая, вы чего, косяки в Пушкина заворачивали?

– Это пророчество, дурень! – Все еще заплаканная спутница со злостью отпихнула от себя Олега. – Я тебе что, Окуджава ты негритянский? Как умею, так и складываю! Огонь небесный ба-ба-бах костями ударит тара-рах...

Она задумчиво закатила глаза и начала сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее закручиваться, жалобно поскуливая.

– Тэ-э-эк, Кащенко на марше, – цыкнул зубом ведун, обошел девушку, расстелил на постели меховое покрывало, после чего поймал Роксалану за талию, опрокинул и быстро закатал в овчины, словно сосиску в тесто. Присел рядом, погладил ее по щеке: – Ты когда поганки жрать перестанешь, дурочка? Я тебя предупреждал, чтоб не тащила в рот что попало? Тебя наяда предупреждала, что они ядовитые? Ты ж ими лошадей до буйного сумасшествия доводила! Ну так какого хрена?!

– Олечка, когда тебя убивать будут, ты не умирай, пожалуйста, хорошо? – всхлипнула девушка. – Ты козел, конечно, и тварь неблагодарная, но я к тебе привыкла. Ну что тебе этидохлые безногие лошади? Может, не умрешь все-таки, а?

По щекам Роксаланы опять потекли слезы. Все раздражение ведуна почему-то улетучилось, и он просто погладил ее по голове:

– Спи, Зена, королева варваров. Не родилась еще лошадь, чтобы с нами в честном бою управлялась. Спи.

Девушка послушно закрыла глаза, и голова ее расслабленно качнулась влево.

– Вот и молодец, – поднялся Середин. – Вот только гостей сюда уже не пригласишь... Ладно, на улице побеседуем.

В сундуке на женской половине он нашел пару мисок, пустой горшок, зачерпнул из безразмерной бочки кумыса и вышел на свет. Запыхавшийся старик был уже здесь.

– Садись, – указал на кошму у холодного кострища ведун, налил полную миску хмельного напитка, протянул гостю. Тот выпил. Олег налил ему еще, потом себе, уселся рядом и кивнул: – Ну рассказывай.

– О чем, господин? – не понял каимец.

– Обо всем. Когда я взял город в прошлый раз, он был шумным и богатым, светился от зеркал и был под покровительством священного камня. Сейчас я вижу только пустые стены. Что случилось, старик? Где люди, где стук молотков и жар печей, где ваши стада и добро, где былая слава?

– Но я помню тебя, господин, – почему-то удивился староста. – Разве не ты в прошлый раз повелел нам избавиться от камня?

– Ты не спрашивай, – посоветовал ему Олег. – Ты рассказывай, рассказывай. Вы принесли присягу Аркаиму... Дальше?

– Ты забрал всех наших мертвых и многих сильных мужчин, – после короткой заминки стал отчитываться старик. – Назад вернулись немногие. Опося пришли воины мудрого Раджафа, иных казнили за измену, иных увели. Камень же повелели возвратить на былое место. Но едва они скрылись, под стенами оказались черные всадники Аркаима. Они побили многих за измену, за то, что клятву верности нарушили. Камень повелели выбросить и взяли годных к работе людей обоего пола с собою в поход. Мы сим разом далеко укатывать не стали, там прикопали. – Старик попытался встать, вытянул руку в сторону ручья. – Коли желаешь, господин, так я место приметил, указать...

– Дальше? – отмахнулся Середин.

– О прошлом годе опять всадники Аркаима проходили. Карать не стали, но многих горожан с собой увели. Работники им были надобны. Едва мы сих несчастных оплакали – Раджаф мудрый явился. Мы бы и хотели на место камень священный вернуть, так ведь уж и некому стало. Никого здорового, почитай, и не осталось. Но повелитель карать не стал и за камень не рассердился. Выбрал мальчишек и девочек, что покрепче, последние из уцелевших зеркал

взял да по следу брата своего и ушел. До того ратные скотину брали али прямо здесь себе в котлы забивали. Иные добро отнимали, за измену карая, иные так глумились. Ась и посуди, господин, кому ныне в мастерских работать? Да и чем? Мастеровых мудрые братья со всем припасом забирали. И с инструментом, и с заготовками, и еще с чем надобно...

– Ступай, – взмахом руки отпустил старика ведун. Себе же наполнил кумысом миску, осушил в несколько глубоких глотков.

Вот он и получил ответ на все свои вопросы.

Война. Война, предсказанная древними пророчествами. Война, начавшаяся из-за его прихода в эти края. Война за древние тайны и будущую власть. Всего год она каталась по здешним краям от порубежья к порубежью. Всего год – без особой злобы, резни и братоубийственного ожесточения. Год – и даже смиренный город Кива, не видевший ни одной битвы, не переживший ни единого штурма, превратился в жалкий призрак былого величия, в пустыню, в никому не нужную скорлупу.

– Прости, что отвлекаю от дум, посланник предков, – остановился возле края кошмы Чабык. – Мы собрали двадцать два меча, три десятка копий, ножи, щиты. Доля твоя невелика, но ты не позволил отнимать другого добра от здешних обитателей.

– Я помню, друг мой, – кивнул Олег. – Выдели две сотни воинов, пусть останутся с обозом, стадами, присмотрят за дорогой и горожанами. Остальных поутру поднимешь в седло. Пойдем налегке, только с оружием и припасом на пять дней пути...

Насколько помнил ведун, оружие и небольшой провиант – это груз как раз для одной заводной лошади.

* * *

Расставшись со своим богатством, армия пришельцев из неуклюжей черепахи мгновенно превратилась в стремительного сапсана. Полдня пути – и многие сотни воинов окружили крохотную Ламь, до которой иначе пришлось бы тащиться не меньше недели. Кочевники выросли под стенами настолько стремительно, что горожане даже не успели запереться: несколько баб, застигнутые вне дома, бросили мотыги и кинулись прятаться в ближайший лесок; две коровы, пять лошадей и восемь коз так и остались пастись снаружи. Все, что успели сделать обитатели городка, вдвое уступающего размером Киве, – это захлопнуть люки домов и затаиться внутри.

Здесь не имелось даже частокола – и потому Олег поднялся наверх, прошел по валу, с надеждой принохиваясь. Но нет, и здесь никто не растапливал горна уже много дней, а на месте бывших святилищ и мастерских горожане устроили хлева и сеновалы.

– Слушайте меня, смертные! – громко заявил Середин, старательно обходя люки и натоптанные перемычки между валами. Он еще не забыл, какие ловушки любили устраивать врагам каимовцы. – Если вы хотите сражаться, мы устроим вам сражения и вы умрете. Если вы хотите принять наше покровительство и остаться в живых, открывайте двери и выходите к нам. Времени даю вам один час. Думайте!

Разумеется, он лгал. Нищий городок не стоил того, чтобы ради такой добычи умер хоть один человек, будь он каимовцем или кочевником. Но уже пережившие одну войну жители не стали рисковать. Всего через несколько минут на стене появился старейшина с хлебным колосом и большой желтой грушей. Он спустился вниз, упал на колени, и веселые воины услышали уже знакомые ритуальные слова:

– Милости просим, чужеземцы. Мы люди мирные, вражды не питаем, ссор не ищем. Не карайте невинные головы, не проливайте крови. Коли нужда вам от нас имеется, восполним. Коли нужны мертвые, отдадим их со смирением. Коли обиду учинили, виру выплатим. Не чините напрасного зла, чужеземцы, и боги осенят вас своею милостью.

– Оставишь здесь два десятка для порядка, Чабык, – принял скромное подношение ведун. – До вечера лошади отдохнут, на рассвете идем дальше.

Следующим селением был Туеслов. Здесь когда-то Олег послал жителям обычного возничего с предложением сдаться без крови. Возничего из Кивы. Горожане сдаваться не пожелали. Это ведун мог понять: кто-то предпочитает склонить выю, кто-то – сражаться глаза в глаза, клинком к клинку. Но вместо простого отказа местные почему-то на глазах у осаждающих жестоко растерзали посланника. В ответ Середин разгромил город. Он не любил напрасных смертей. Но уже не первый раз из-за нетерпимости к убийствам ему приходилось проливать немалую кровь. Иногда – свою. Чаще – чужую.

Время с радостью показало городу свою власть над внушительными творениями человеческих рук. Всего за два лета валы, когда-то вдвое превышавшие высотой стены Кивы, заметно расплылись и осели, местами в них образовались овражки, по которым в каждый дождь струились ручьи. Между овражками густо разрослись кусты, над низкой порослью растопырили веточки молодые березки. Прочные узловатые корни расплзались в стороны, впираясь в землю, кроны засыпали ямы листвой, словно стараясь выровнять ухабы. Еще лет пять-шесть – и ни один путник не узнает в бесформенном холмике город, в котором работали десятки мастерских, медеплавильные печи, в котором имелась канализация и самым забавным из возможных способов – открытыми ручейками – был проведен водопровод.

Для ведуна это была память. Для прочих кочевников – никчемные развалины, мимо которых они пронеслись, не повернув головы. Ближе к сумеркам темным бескрайним потоком воинство выхлестнуло к действительно огромному Птуху, раскинувшему свои стены на четверть версты в ширину, а стенами поднявшемуся почти на пять ростов человека. Еще на косую сажень над земляным валом поднимался вполне крепкий и ухоженный с виду тын, украшенный многими десятками бойниц.

– В прошлый раз его не было, – прикусил губу ведун. – Видать, война всех научила осторожности.

Вторым неприятным открытием стало то, что кочевники не заметили не то что ни одного жителя – не застали вне города ни единой скотинки. Видать, здешний гарнизон был настороже и, несмотря на стремительность нападения, застать его врасплох не удалось.

– Если они так сильны, то, может, не стоит затевать бойню? – вслух подумал Олег. – Может, хотя бы Птух способен на взаимовыгодную торговлю? Как считаешь, Чабык?

– Воля твоя, Приносящий добычу, – одновременно и согласился, и намекнул на отдельное обстоятельство кочевник.

– А ты что скажешь, Роксалана? – покосился на гарцующую рядом спутницу ведун.

– Ты оставил товары за двести кэ-мэ отсюда, мой дорогой торговец, – поправила сверкающий нагрудник воительница. – Не забыл?

– Значит, будем делать то же, что всегда, – тронул пятками коня Олег.

На удалении десятка сажень под земляным, поросшим сочной весенней травой, валом он натянул поводья и громко повторил привычные слова:

– Слушайте меня, жители Птуха! Слушайте и смотрите! Я тот, кто два года тому взял этот город именем мудрого Аркаима! Смотрите внимательно, жители Птуха, вы все должны меня помнить. Я тот, кто обещал городу покой и безопасность, если он не станет сопротивляться, и сдержал свое слово! Слушайте меня сами и передайте своему старосте! Я хочу, чтобы вы вновь открыли мне ворота и склонили головы! За смирение я вновь обещаю вам покой и безопасность! Даю вам времени до утра, смертные. С рассветом вы должны сдать город. Если мне придется послать на стены воинов, я уже не стану их останавливать, пока не умрет последний из горожан!

Наверху произошло какое-то шевеление, откинулись три светлых, недавно вставленных кола, и вниз, с трудом удерживая равновесие, побежал упитанный воин в толстом стеганом

ватнике и похожей на танковый подшлемник шапке. Не удержавшись, он поскользнулся и на спине стремительно слетел по влажной траве вниз. Ремень растянулся, меч отлетел в одну сторону, косарь в другую, поясная сумка подкатилась почти к копытам.

– Разорви меня водяной! – Мужик поднялся, наскоро отряхнулся. Круглолицый, румяный, голубоглазый, рыжая с проседью борода...

– Не может быть! – спешил Середин.

– Это верно, – согласился тот, подергав себя за бороду. – Год тому отчего-то не росла.

– Любовод!!! – во весь голос закричал ведун, бросаясь к старому другу. Тот раскинул руки, и они крепко, до хруста в ребрах, обнялись. – Как ты, откуда? Ксандр где?

– Он за дальней стеной приглядывает, – чуть отодвинувшись, с интересом оглядел сотоварища новгородский купец. – Мужиков тут, почитай, не осталось. Я да он – и за старост, и за ратников, и за кобелей. Мы тебя, знахарь, похоронили вовсе. Ан ты живой! Как, откуда?

– Это я вас, честно говоря, похоронил, – мотнул головой Олег. – Аркаим поклялся, что выпустил вам кишки, привязал к лошадям и следом бегать заставил.

– Руки коротки у старого упыря нам кишки выпустить! Он, как ты пропал, едва умом не тронулся. Мы же, не будь баранами, тут же и утехали. Да чего мы здесь стоим? Таковую радость за шумным пиром обсуждать надобно! Эй, наверху! Бабы, ворота отворяйте. То не враг, то друзья старые к нам наведались! Не будет крови, не бойтесь. Отворяй!

Птух тоже не мог похвастаться многочисленностью – но счет его обитателей шел хотя бы на сотни, а не на десятки. И пусть население его состояло почти из подростков, женщин и стариков, какое-никакое угощение подступившей армии они организовать смогли, выставив несколько бочонков вина, браги, солений, моченых яблок, меда, соленых арбузов и вяленых груш. С мясом было беднее – но как раз по нему кочевники и не соскучились.

Столы накрыли в городе, наверху: спускаться вниз, в темные, похожие на катакомбы, дома, кочевники отказались наотрез. Во всяком случае – поначалу. Потому как нукеры неожиданно оказались не покорителями, а просто друзьями, многие из прислуживающих на пиру женщин и входящих в тело девах сочли возможным построить им глазки. Соскучившиеся в походе по женским ласкам воины устоять против такого не могли. А может, дело было и наоборот – ведун не приглядывался. Нашли люди общий язык – и хорошо.

– Вот уж не ожидал, вот не ведал! – никак не мог успокоиться Любовод. – Поначалу, честно скажу, и не признал. Токмо как ты про поход прошлый рассказывать начал, так и догадался. Не признавать, не признавать! Заматерел! Урсулу и вовсе токмо по глазам от прочих баб отличить можно! Вот уж никак помыслить не мог, что жалкая и смиренная рабыня твоя броню на себя нацепит и меч в руку возьмет, – ткнул пальцем в Роксалану купец.

Олег еле успел сильным рывком опрокинуть его на спину, а потому стремительный шамшер не снес новгородцу голову, а срубил угол открытого люка. Второй взмах ведун принял на свой клинок и сделал шаг вперед, оттесняя спутницу от друга:

– Ты сбрендила?! Он ведь просто обознался! – Середин оглянулся: – Это не Урсула.

– Я понял, – хрипло согласился Любовод. – Глаза... Токмо глаза и походят. Прощенья просим, ведун.

– И она тоже. – Олег отобрал у девушки оружие, вложил его обратно в ножны. – Сядь, тебя никто не оскорблял.

– Кто такая Урсула?! – Пальчики воительницы опять поползли к рукояти меча.

– Замолчи немедленно! Угровишь всех, – наклонившись к ее уху, коротко шепнул Олег и, взяв за локоть, вернул на свое место. – У тебя хорошее вино, дорогой друг! Так и ударяет в голову. Или это Ксандр постарался?

Кормчий, за весь пир так и не проронивший ни слова, отрицательно покачал головой. Любовод же, наоборот, никак не мог угомониться:

– Вестимо же, не Урсула! Рази хоть что похожее есть? Токмо глаза, так и те другие. У невольницы узкие совсем были, что щелки. А у сей красавицы большие, что озеро лесное. Чудо, а не глаза! Жаль, жаль рабыню твою, ведун. Успел, стало быть, колдун ее в жертву принести? Оттого вы пропали, что кровь ее на алтарь пролилась?

Роксалана забыла про меч и наострила уши. Известные ей общие намеки неожиданно начали наполняться живыми подробностями. Чабык, тоже молчавший весь пир, перестал жевать – он понял, что вот-вот узнает о Приносящем добычу нечто новое и интересное. Бий-Султун, Фтахран, Улугей тоже придвинулись поближе.

Первой мыслью у Олега было стукнуть друга по голове чем-нибудь тяжелым – другого способа оборвать рассказ он не видел. Потом он попытался придумать правдоподобное объяснение тому, что резали на алтаре одну девушку, а путь с ним продолжила уже другая, причем поразительно похожая на первую редким цветом глаз.

– И очи ведь какие! – как раз эту тему и развивал новгородский торгаш. – Одно око изумрудное, другое сапфировое...

Все разом повернулись к Роксалане. Она вперила вопросительный взгляд в Середина.

– Волосы золотые, что лучи небесные...

– Как же вы уцелели, Любовод? – перебил друга ведун. – Неужели колдун не рассердился, когда мы пропали?

– Взъерился аки лев! – округлил глаза купец. – Заметался туда-сюда, ножом машет, кричит непотребно, хулу возносит, проклятия сыплет. Стража его черная и та спужалась, тихариться стала. Тут я помыслил, что не до нас ныне чародейскому воинству и сам Аркаим о нас не вспоминает. Ан во гневе и про клятвы свои забыть способен – жизни нас с кормчим лишит. Мы, стало быть, с алтаря прыг – и вослед за стражей в сторонку, в сторонку. Они, знамо дело, далеко не ушли. А уж мы останавливаться не стали. Бегли и бегли, покуда сил хватило.

– А потом? – не без облегчения подтолкнул рассказ купца в нужное русло Середин. Подальше от воспоминаний, как и почему он и невольница с разноцветными глазами оказались у злого черного колдуна на алтаре.

– Потом мы прятались, – понутив голову, уныло признал Любовод. – Зол был Аркаим безмерно, во все края земли своей вестников послал, дозоры его, что ни день, по дорогам и тропам из края в край скакали. Искал он тебя и Урсулу, искал, разве только землю всю не перерыл.

– Как же вы выжили? Зима ведь была.

– Это спасибо кормчему, – положил ладонь Ксандру на плечо купец. – Он про Туеслов припомнил. Городок помнишь меж ручьев, каковой ты на пути к Птуху разорил? Мы ведь его и не разграбили толком. Кому грабить-то было? Одни мертвецы в рати шли. Живых раз-два и обчелся. К нему и повернули.

Ведун скрипнул зубами – Любовод все-таки сболтнул лишнее. Теперь взгляды старейшины и его братьев, Чабыка и Роксаланы перескочили на него. Середин подумал, что придется отвечать, коли кочевники спросят, откуда в его прошлой армии было много мертвецов, и на душе стало совсем темно.

– Так оно и оказалось, Олег, – жизнерадостно продолжал выдавать друга купец. – Главное добро из города, само собой, мы и возчики выгребли, но еще довольно много осталось. Хлеб, солонина, грибы, иные припасы, что в иных комнатах завалило. Одежа нашлась, оружие кое-какое откопали. Там до весны и пересидели. Печь токмо по ночам топили, дабы дымом себя не выдать, за дровами и по иной надобности в сторону от дороги уходили, чтоб следов с тракта никто не заметил. Как теплее стало, к реке выйти попытались. Не век же нам тут куковать! Кабы лодку крепкую нашли, вернулись бы на Русь, к дому отчему, к семьям родным. Да люди сказывали, как лед сошел, Аркаим, всех людей своих собравши, по реке в поход дальний ушел. Добро все свое собрал, каковое было, людей крепких, работников, воинов всех. Все лодки,

каковые имелись, загрузил и водой пустил, ратные же по берегу верхом поскакали. Вестимо, за тобой погнался колдун. Иного пути для твоего бегства надумать не сумел.

– Туда ему и дорога, – лаконично ответил Середин.

– Погоревали мы, стало быть, попечалились, – продолжил купец, – стали рядить, как поступать по такой беде. Пешим, знамо, в таку даль не уйдешь. Особливо через степь. Там ведь хазары, торки, половцы, иные племена дикие. Враз в полон продадут. Помыслили купцов здешних поискать, дабы в места, здесь неведомые, с товаром сходить. И им прибыток, и себе долю выговорить можно. Ан тут сызнава напасть: Раджаф возвернулся! Людей верных откель-то нашел, гнев на веси обрушил. Сей чародей тоже дозорами рыскать начал, выискивать чегой-то. Ну мы для него отнюдь не други, сам понимаешь. Посему сызнава затаиться пришлось, пока шум уляжется. Ан вскорости мы проведали, что и Раджаф, силу кой-какую по оскудевшим градам наскребя, по реке в дальний путь двинулся. Тут уж и к осени Коло скатился. Куды по снегу в путь собираться? Подались мы с кручиною в град сей, надеясь ремеслом и опытом своим на хлеб заработать. Ан тут, окромя нас с кормчим, и вовсе мужей никого не нашлось! Старики немощные да дети малые. Прочих по надобности своей колдуны угнали. Так и осели на всю зиму. И за воинов, и за старост, и за работников – все мы одни стараемся.

– Не повезло тебе с лодкой, Олежка, – развела руками Роксалана. – Видно, не судьба.

– Судьба у нас пока общая, красавица, – задумчиво почесал нос ведун. – Так что рано радуешься.

– А ты, друг мой, – хлопнул его по плечу купец, – ну же, сказывай, ты-то как из-под ножа колдовского ушел?

– На север, за горы, – кратко объяснил Середин. – Через булгар на Русь вернуться хотел, да не пропустили.

– Рази это ответ, ведун Олег? – чуть ли не обиделся Любовод. – «Ушел, да не пустили»? А куда Урсулу спрятал, отчего не сказываешь? Цела она али сгинула? Откель красавица сия, что глазами, как страсть колдовская, а душою воительница, ако богиня свенская? Откель у тебя сила ратная столь великая?

– Взял я в Булгарии где-то полтора ста возков добычи, – ответил Середин. – Хотел здесь продать или сменять на что-нибудь, что воинам понравится. А тут у вас, оказывается, нищета, как в чухонских болотах! И чего мне теперь делать?

– Полтора ста возков?! – Как и ожидал ведун, слова о добыче и торге моментально вымели из головы новгородца все вопросы.

– И треть из этой добычи – моя и Олега, – не удержавшись, похвасталась Роксалана.

– Треть?! – даже привстал Любовод. – Ты помнишь, побратим, о чем мы с тобой перед походом сим уговаривались?

– Прибыль пополам, – не стал отрицать Олег. – Уговор есть уговор, что мое – то твое.

– Вот оно, счастье купеческое! – на глазах расцвел его друг. – Я золото червонное вкладывал, ведун же токмо мудрость свою. Ан я ныне нищ, а весь товар ему в руки пришел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.